

Евгений СУХОВ

Я - ВОР В ЗАКОНЕ

БРИЛЛИАНТОВЫЙ КРЕСТ МЕДВЕЖАТНИКА

Медвежатник

Евгений Сухов

**Бриллиантовый
крест медвежатника**

«ЭКСМО»

2007

Сухов Е. Е.

Бриллиантовый крест медвежатника / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2007 — (Медвежатник)

Вот она – бриллиантовая корона Екатерины Великой. Ее только что извлек из тайного сейфа одного из банков города Казани признанный «король медвежатников всяя Руси» – лихой и неуловимый Савелий Родионов. В профессии медвежатника главное – красиво и вовремя уйти. Получится ли у Савелия? Банк оцеплен, и погоня дышит вору в затылок. Но красиво уйти – это еще полдела. Надо найти бриллиантовый крест, некогда венчавший корону. Ведь собрать бесценную реликвию в первозданном виде – дело чести знаменитого медвежатника, вершина его тонкого и азартного ремесла...

© Сухов Е. Е., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Евгений Сухов

БРИЛЛИАНТОВЫЙ КРЕСТ МЕДВЕЖАТНИКА

ПРОЛОГ

В одна тысяча семьсот шестьдесят седьмом году от Рождества Христова, 26-го числа месяца мая, ближе к вечеру, четыре галеры Ея Императорского Величества государыни императрицы Екатерины Великой пришвартовались к пристани близ Тайницкой башни Казанского кремля. На флагманском корабле, именуемом «Тверь», находилась со своей многочисленной свитой сама императрица.

От пристани до Тайницкой башни по пути следования государыни была расстелена ковровая дорожка, и первые же шаги императрицы по земле Казанской сопровождались торжественным и многоголосым перезвоном всех городских церквей. Встречать великую гостью вышла на берег реки Казанки вся губернская и городская головка, духовенство, купечество, мастеровой люд и выборные крестьяне с образами и хоругвями.

Отстояв вечерню в главном городском храме – кафедральном соборе во имя Благовещения Пречистой Богородицы, с паперти коего сам митрополит Лаврентий согнал всех калек, нищих и пропившихся до исподнего питухов, – Екатерина поехала к дому купца, промышленника и городского головы Ивана Дряблова, где ей и предстояло остановиться.

Весь следующий день она принимала делегации губернских дворян, купцов и именитых людей, а мая 28-го числа высочайше соблаговолила посетить Казанский Богородицкий девичий монастырь. Собиралась императрица долго и вышла наконец, когда солнце уже клонилось за полдень. У парадного подъезда ее ждала шестерка великолепных лошадей и золоченая карета с замысловатой деревянной резьбой, в том числе и на колесах, обитых медным листом с картинками из жизни херувимов. Поддерживаемая под локоток фореиторами, императрица уселась в карету, на запятки встали два дюжих гвардейских офицера, и экипаж тронулся, держа путь в Богородицкий монастырь.

Смирненно отстояв молебствие в окружении Христовых невест и послушниц, Екатерина подошла к знаменитой на всю Россию чудотворной иконе Казанской Божией Матери, не перебивая, выслушала рассказ монастырской настоятельницы о явлении святого образа и им сотворенных чудесах по части исцеления человеческих недугов и, верно расчувствовавшись, сорвала со своей прически корону и протянула ее настоятельнице.

– Фот, фозмите, – произнесла императрица, коверкая русские слова. – Сие ест мой тарфашей опители.

– Господи да Боже мой, – повалилась ей в ноги настоятельница. – Да за что же благодать-то нам такая!

Повелев настоятельнице встать, императрица последовала на выход, сопровождаемая монашенками и послушницами. Настоятельница, обливаясь благостными слезами и держа корону императрицы на вытянутых руках, прощаясь с вседержавнейшей, еле вымолвила:

– Мы сей дар ваш, государыня, на вторую ризу устроим, чтобы аккурат над венчиком Божией Матери корона ваша воссияла. Мы... мы... – Она не выдержала и зарыдала в голос. Императрица, благосклонно кивнув ей на прощанье, вышла из Богородицкого храма к толпившейся у входа свите. А в руках плачущей настоятельницы осталась небольшая, размером с крупное яблоко, корона, еще четверть часа назад украшавшая прическу матери и храниль-

ницы России. На сей золотой короне имелось 479 бриллиантов, 100 алмазов и около 1200 иных драгоценных камней...

Часть I В ДОРОГЕ ЗА КОРОНОЙ

Глава 1 ПАРОХОД «НИАГАРА»

Пароход «Ниагара» издал уже второй свисток, когда у одной из пристаней с вывеской «Пароходное общество „НАДЕЖДА“» остановилась коляска. Из нее вышли господин средних лет в дорогом костюме английского сукна и в лаковых штиблетах и молодая авантажная дама в палевом платье из бережа-шамбери с золотой нитью, широкополой кружевной шляпе со страусиными перьями и ботиках а-ля Луи.

– Мы не опаздываем? – спросила барышня, одарив своего спутника нежным взглядом.

– Нет, дорогая, – мягко улыбнулся мужчина, взглянув на золотые наручные часы. – До отхода «Ниагары» еще четверть часа.

Смотрелись они великолепно. Он, немного выше среднего роста, с небольшой бородкой и аккуратными усиками с легкой рыжиной, несомненно, был либо банкиром, либо преуспевающим промышленником, а она являла высший и желанный тип супруги, любящей и любимой. Неведомо было, прожила она на этом свете четверть века или чуть более, но ее изумрудного цвета глаза по-прежнему смотрели на мир с детской восторженностью.

Завидев важную персону, подскочил стюард в куцем форменном пиджачке, похожем на фрак с оторванными фалдами, и, нимало не сомневаясь, что сия пара, конечно, едет первым классом, спросил только, показывая на два их огромных чемодана и дорожный саквояж:

– У вас какой номер?

– Седьмой, – ответил господин и добавил: – Саквояж оставьте, я донесу его сам.

Не торопясь они прошли по сходням на борт, поднялись на верхнюю палубу, и коридорный с легким поклоном открыл перед ними дверь:

– Это лучшая каюта на всем корабле, уверяю вас.

Приняв от коридорного ключи и вручив ему рублевик, мужчина вошел вслед за дамой в каюту и закрыл дверь. Оба чемодана уже стояли в центре гостиной на ворсистом ковре, в котором ноги утопали по самую щиколотку. Гобелены на стенах изображали сюжеты из жизни греческих богов, мебели все были красного дерева, а ножки им заменяли когтистые звериные лапы, весьма похожие на настоящие.

Женщина улыбнулась, провела ладонью по сафьяновой обивке канапе, плюхнулась в плюшевое кресло, почти утонув в нем, вскочила, подбежала к мужчине и чмокнула его в щеку. Потом упорхнула в спальню, откуда тотчас донесся ее голос:

– Савушка, посмотри, какая спальня!

Савелий поставил саквояж и пошел на голос. Действительно, в спальне было на что посмотреть: трюмо с туалетными столиками, хрустальная люстра, бронзовые напольные жирандоли в виде деревьев, на полу и на стенах – ковры, шелковая китайская ширма, образующая в дальнем конце спальни своеобразный будуар. Но главное – кровать! Огромная, она занимала едва ли не треть всего пространства комнаты. А над ней – розовый купол балдахина из легкой, почти невидимой ткани.

– Есть еще кабинет, буфетная и ванная комната с душем, – сказал Савелий. – Действительно, первоклассная каютка!

– Шесть ночей и пять дней! – воскликнула женщина. – Это же самое настоящее путешествие. Спасибо, что согласился вояжировать пароходом, а не поездом. А главное – что взял меня с собой.

– К вашим услугам, государыня Лизавета Петровна, – шутливым тоном произнес Савелий. – Считаю, моя императрица, это наше свадебное путешествие.

Бряцнул звонкий колокол на пристани, и следом пронзительно и нервно долго заведывал пароходный свисток. Корпус парохода мелко задрожал – заработала машина, – и послышался грозный окрик капитана:

– Сымай сходни!

Вода за бортом закипела, пассажиры с палуб замахали провожающим их родственникам и друзьям батистовыми платочками, шляпами и картузами, и пароход стал медленно отходить от пристани.

Савелия с Елизаветой на палубе не было. Им не с кем было прощаться. Родители Савелия сгинули на сахалинской каторге еще при Александре Освободителе, а Парамон Миронович, его приемный отец, лет пять уже как отправился в мир иной не по собственной, но по чужой воле. Единственный, кто мог бы сейчас стоять на пристани и махать вслед уплывающему пароходу старой узорчатой тюбетейкой, был верный Мамай. Но старый слуга тоже плыл с ними на «Ниагаре», сидя на лавке в третьем классе, и угощался загодя припасенными в дорогу калеными яйцами.

У Елизаветы же родители были живы, но она давно разошлась с ними во взглядах, причиной чему служил Савелий. С восемнадцати лет она жила отдельно от них, а посему разбитый на нее отец ни за что бы не пришел ее провожать, да и мать не пустил бы. С подругами по Смольному институту она давно потеряла связь, и Савелий совмещал для нее в одном лице и мужа, и любовника, и лучшего друга.

Они познакомились около десяти лет назад. Елизавета стояла недалеко от старого Гостиного двора и с удовольствием уплетала большую сдобную булку. И тут к ней подошел улыбчивый молодой человек и, приподняв шляпу, произнес:

– Разрешите представиться, Савелий Николаевич Родионов, дворянин.

А далее, косясь на ее булку, сей господин предложил отобедать с ним в ресторане «Эрмитаж».

«Вот оно, – пронеслась в ее голове мысль. – Как раз об этом и предупреждала маменька: явится эдакий Фоблас и Ловелас в одном лице – симпатичный обольститель, старше меня возрастом, угостит обедом с шампанским в хорошем дорогом ресторане, а потом потащит, непотребник, в приватные номера».

Лиза была из очень приличной семьи: отец Петр Иванович Волков был весьма древней дворянской фамилии и служил гласным городской думы, а мать, Юлия Львовна, в девичестве княжна Козловская, была когда-то любимой фрейлиной императрицы. И Елизавета отказалась от предложения молодого человека, заявив, что девушка она серьезная, в рестораны с незнакомыми мужчинами не ходит и вообще, дескать, он жестоко ошибается на ее счет.

Однако змей-обольститель имел весьма привлекательную наружность, нрав имел веселый и сдаваться не собирался. В конце концов, скормив остатки булки нахальным воробьям, Елизавета согласилась пойти с ним. Ибо не мог дворянин Савелий Николаевич Родионов, обликом приятный и симпатичный молодой человек, оказаться двуличным, а тем паче маниаком-насильником. Тот вечер и решил ее судьбу: они стали встречаться, а потом пришла настоящая любовь.

Скоро она узнала, что Савелий промышляет не чем иным, как вскрытием чужих негосударственных шкафов и сейфов, что в этом своем деле он настолько преуспел, что стал одним из лучших медвежатников в России. Это и пугало ее, и притягивало. Узнав, с кем повелась их единственная и любимая дочь, Петр Иванович, как гласный городской думы и родной отец,

имел с ней долгий и обстоятельный разговор, после чего отлучил Лизу от дома с наказом более никогда не попадаться ему на глаза. И Елизавета стала жить с Савелием. Она стала ему верной подругой и помощником, и не без ее участия Родионов вскрыл более десятка самых неприступных сейфов. Если было нужно, она исполняла роли кокеток, работала уборщицей в Национальном банке – это потомственная дворянка-то! – узнавая все необходимые сведения для своего возлюбленного: расположение комнат, хранилищ, способы отключения секретной сигнализации банка и места хранения заветных ключей. Через два года после знакомства с Савелием она сама научилась вскрывать замки и одно время промышляла тем, что ловко обчищала постояльцев «Метрополя», испытывая азарт и наслаждение, пожалуй, самое сильное после наслаждения любовью. Может, и впрямь текла в ней кровь средневековых пиратов-ушкуйников, каковыми, по семейным преданиям, были ее предки?

Конечно, между ними случались размолвки и даже расставания, но она всегда возвращалась к Родионову. Савелий притягивал ее своей неординарностью, силой, криминальным талантом и тем чувством победителя, которое никогда не покидало его даже в самые трудные минуты. Ведь стоит только задуматься, что можно проиграть, и – ты проиграл! Но главное – Лизавета не единожды имела возможность убедиться в этом, – он любил ее по-настоящему.

А что еще нужно любящей женщине?

* * *

Пока пассажиры расходились по своим каютам, вдоволь налюбовавшись исчезающей в закатной дымке Москвой и откушав в буфете: мужчины – стопочку-другую очищенной, а женщины – пирожное или вазочку бланманже, Савелий и Лиза успели уже опробовать свое королевское ложе. Невинная и даже робкая в быту, Елизавета в постели была страстной и бесстыдной, и эта ее метаморфоза по сей день поражала Савелия. И, конечно, нравилась. Он не охладел к ней за столько лет, и это, несомненно, было заслугой его Лизаньки. В умении любить она выказала себя как большая затейница, умудрялась делать так, что уже через четверть часа у Савелия появлялось желание повторить сие деяние, потом еще раз и нередко еще... А потом Лиза укладывала свою прелестную головку ему на плечо, и они лежали молча, перекидываясь лишь редкими фразами. Впрочем, в таких делах слова были не особенно и нужны.

Вот и теперь, бросившись на постель под розовым куполом балдахина и как бы нечаянно оголив свою точеную ножку, Елизавета призывно посмотрела на Савелия. Этого оказалось достаточно, чтобы у Савелия вымело из головы все мысли и желания, кроме одного: жажды обладания этой прекрасной женщиной. Он резко притянул ее к себе, уткнулся лицом в золотистые волосы, жадно вдыхая аромат нежного тела. Елизавета на миг оцепенела, потом мягко скользнула горячей ладошкой под отворот его сорочки, прижалась губами к гладкой коже шеи. Они не произнесли ни слова, стаскивая, стягивая и срывая одежду друг с друга, в неистовом нетерпении подхлестывая и без того обезумевших демонов страсти. Савелий положил ее на спину, подхватил под округлые ягодицы, одним упругим толчком вошел во влажное, горячее лоно и замер, оглохший от гулкой тишины, наполнившей всю вселенную. Всякий раз, когда случалось подобное с ним и Лизаветой, ему казалось, что это впервые и будет очень печально, если эти сладость и нега, которые он испытывает, слишком скоро кончатся...

– Ну что же ты остановился, милый? Не останавливайся, прошу тебя, – жарко зашептала Лиза, умоляюще глядя на Савелия. Она царапнула своими коготками его крепкие плечи, обхватила ногами, и он откликнулся на ее призыв неистово и безжалостно. Мир вокруг них рухнул, исчез, оставив только жгучее стремление к чему-то там впереди, некоей вершине, сверкающей в ореоле раскаленного, бешено вращающегося пространства. Каждое движение Савелия, как и движение Елизаветы ему навстречу и в такт, было шагом к этой вершине, и они были едины и неразделимы на пути к апогею наслаждения друг другом.

Пока не достигли его.

Савелий очнулся в тот миг, когда Лизавета со стоном разомкнула на его спине руки и успокоенно и удовлетворенно выдохнула. Сладко улыбаясь, она немного полежала, закинув руки за голову, потом резко вскочила и, чмокнув Савелия в щеку, ушла в ванную. Савелий, неторопливо одевшись, достал из чемодана папку, что вручил ему неделю назад американец, развязал тесемки и выложил ее содержимое: газетные вырезки и книжицу в мягком коричневом переплете. Самой верхней в стопке была вырезка из газеты «Казанский телеграф» от первого июля 1904 года:

ОБРАЩЕНИЕ К ЖИТЕЛЯМ

В ночь на 29 июня из Казанского Богородицкого женского монастыря злоумышленниками похищена чудотворная икона Казанской Божией Матери и Образ Спасителя в драгоценных ризах. Доводя до всеобщаго сведения об этом, полицмейстер г. Казани обращается ко всем истинно русским православным лицам с усерднейшею просьбою помочь в розыске Святых Икон и виновных в похищении этих икон. Всякое указание, могущее послужить к розыску похищенного и обнаружению виновных, будет принято во всякое время.

При единодушном содействии общества можно надеяться на успех розыска. Не откажите же в помощи.

Казанский полицмейстер Панфилов.

«Плохи же твои дела, господин полицмейстер, – внутренне усмехнулся Савелий, – коли ты обратился за помощью к своим горожанам». И стал просматривать вырезки далее. Берясь за новое дело, он всегда готовился к нему тщательно, не пренебрегая никакими, пусть и мелкими деталями. Так и теперь, берясь за предложенное ему дело, сделав которое можно будет уходить на покой, он должен знать все, что так или иначе связано с предметом его охоты. К тому же в ночь похищения иконы Казанской Божией Матери на ней была вторая риза.

Та самая, с короной императрицы.

Глава 2

НЕОЖИДАННЫЙ ЗАКАЗ

Митрофан заявился на квартиру Савелия совершенно неожиданно. Как бы пришел в гости. Дескать, шел мимо да дай, думаю, зайду, ибо пять верст бешеной собаке – не крюк. При старике Парамоне был он валетом, а теперь ходил в королях, коих на Хитровке было всего двое, он да Васька Грач с черным, как у мавра, лицом. Дружбы особой Савелий с Митрофаном не водил, но последний, конечно, ведал, что Родионов – приемный сын Парамона Миновича, знаменитого туза Хитровки, и всегда относился к нему уважительно. Одет Митрофан был не по-фартовому, цивильно: серый бостоновый костюм в тонкую полоску, жилет со звездой, крахмальную рубаху, галстук. На ногах кожаные штиблеты, на голове – атласный котелок. Было видно, что до «карасей» и «бобров», коих он некогда обрабатывал десятками на «гоп-стопе», ему не было уже никакого дела – не по рангу. Проведя нежданного гостя в кабинет и усадив его в кресло, Родионов сел напротив и приготовился слушать.

– Я чего к тебе, Савелий Николаевич, пришел... Дело у меня до тебя есть, – начал Митрофан.

– Слушаю тебя, – уселся поудобнее в кресле Савелий.

– Я тут с человечком одним знакомство свел. Тот еще «карась». Ксива у него целикомая на иноземного гражданина Северо-Американских Штатов, – ухмыльнулся Митрофан. – Однако по-русски гутарит, как мы с тобой. В «Эрмитаже» познакомились, случайно как бы, но, думается мне, встреча нашенская была им нарочно подстроена, чтобы на тебя, значица, выйти.

– Чего ему надо? – коротко спросил Савелий.

– Он хочет корону императрицы Екатерины Великой, – после некоторого молчания ответил Митрофан. – Он и приехал специально за ней.

– Что? – вскинул брови Савелий.

– Корону императрицы Екатерины, – ухмыляясь, повторил бывший громила.

– Замечательное желание, – констатировал Савелий. – Но я-то тут при чем?

– А при том, что корона эта вот уже пять лет как лежит-полеживает в одном из личных сейфов управляющего Государственным банком в Казани.

– В Казани?

– Да. Так сказал американец. Ты слышал о краже чудотворной иконы, которую умыкнули в девятьсот четвертом году из Казанского монастыря?

– Да, помнится, читал в газетах что-то такое.

– Корона Екатерины была вделана в ризу этой иконы. Икона пропала, до сих пор ее ищут, а корону – нашли. Вернее, ее части, кроме одной. Вор разрезал корону на куски, чтобы потом продать ее частями. Но его быстро взяли и заперли в крытке. А корону починили...

– Отреставрировали, – поправил Митрофана Савелий.

– ...отреставрировали и упрятали в банк до лучших времен, чтобы, когда икона найдется, все вернуть на прежнее место.

– Ты сказал, что какой-то одной части не хватает, – заметил Савелий. – Какой?

– Я этого не ведаю, Савелий Николаевич. Все знает этот американец. Я потому и пришел, чтобы предложить тебе это дело.

– Ты сказал американцу обо мне?

– Нет, что ты. Намекнул только, что знаю одного медвежатника, который мог бы потянуть подобное дельце.

– И что американец?

– Предложил мне организовать с тобой встречу в месте, которое ты выберешь сам, – как само собой разумеющееся, доложил Савелию Митрофан.

Вор в чине маза, лучший медвежатник Российской империи Савелий Николаевич Родионов, дворянский сын, надолго задумался. Намечающееся дельце, несомненно, было весьма интересным, такого ему давно не подворачивалось. Вскрыть сейф в губернском отделении Государственного банка – это вам, господа мазурики, не копейки в базарный день из карманов зевак тырить.

– Хорошо, я согласен, – кивнул наконец Савелий. – Зеленая беседка на Тверском бульваре против дома актрисы Ермоловой. Знаешь?

Митрофан молча наклонил голову.

– Ровно в полдень...

– Лады, – поднялся Митрофан.

* * *

Тверской бульвар был уже иным, чем, скажем, при прадеде Савелия, секунд-майоре Павле Петровиче Родионове, поселившемся в Москве после выхода в отставку. Не было липовых аллей – их вырубili на дрова французы еще осенью 1812 года; не было шелковичных деревьев, изничтоженных в одну ночь по приказанию генерал-губернатора графа Арсения Андреевича Закревского, узнавшего о недовольстве ими («не деревья, палки какие-то») императора Николая Павловича, коему злые языки припомнили сей случай с шелковичными деревьями, когда прилепилось к нему обидное прозвище Палкин. Вместо английских дорожек, аккуратно посыпанных некогда мелким гравием, стелились теперь под ногами гуляющей публики залитые асфальтом тротуары. Но, как и прежде, бульвар оставался излюбленным местом прогулок москвичей.

Самых разных людей можно было встретить на сем бульваре в погожий день!

Здесь выгуливали своих собачек дородные московские барыни из старых боярских родов; важно прохаживались, сверкая золотом эполет, генерал-адъютанты свиты Его Величества государя императора Николая Александровича и статские генералы в чинах действительных и просто тайных советников.

Здесь можно было повстречать какую-нибудь мировую знаменитость, которую вопреки ее воле и желанию притащили на Тверской бульвар, дабы показать всем, вот, дескать, какие мы – запросто гуляем и держим беседу с академиком (членом-корреспондентом) таким-то такой-то Академии наук.

Поэты и художники в беретах и касторовых шляпах, целыми днями высиживающие в кофейнях и кондитерских, выплескивались на бульвар шумными стайками, похожие на воробьев, собирающихся позавтракать конским навозом.

Древние старушенции, коим давно уже пора бы перестать коптить небо, с такими же, как они, дряхлыми компаньонками или мамками да няньками гусиным шагом дефилировали по бульвару, в упор лорнетируя прохожих и вслух возмущаясь вольными нравами нынешней молодежи.

А сколько здесь было франтов и франтих! По ним запросто можно было составлять каталоги новейших французских и италианских мод, а затем рассылать их по самым модным московским магазинам – Циммермана на Сретенке и Отто Краузе на Кузнецком мосту.

А сколько здесь завязывалось новых знакомств! Сколько плелось хитроумных интриг! Словом, настоящая московская жизнь кипела только здесь, на Тверском бульваре.

Когда Савелий подъехал на извозчике к дому Ермоловой, вознице едва удалось развернуться: все проезды по Тверскому бульвару и около были заставлены каретами, крытыми колясками и уже нередкими для Москвы «Бенцами» и «Роллс-Ройсами».

Гуляющей публики было много. Не меньше, чем в Троицын день. У фонтанов, стилизованных под арабский Восток, резвились дети – гувернанткам стоило больших трудов блюсти

их, у кондитерских и кофеен буквально толпились страждущие откусать мороженого, бисквитов или чашечку дымящегося «мокко».

Разрезав поперек фланирующую по бульвару толпу, Савелий подошел к беседке, увитой плющом, взглянул на наручные часы. Ровно двенадцать. Из беседки тотчас вышел улыбающийся Митрофан:

– Здравствуй, Савелий Николаевич.

– Здравствуй, Митрофан, – пожал протянутую руку Савелий.

– Проходи, – отступил в сторону король Хитровки.

Навстречу Родионову из-за стола поднялся полный господин в белом летнем костюме и солнцезащитных очках.

– Савелий Николаевич Родионов, дворянин.

– Берк Гендлер, подданный Северо-Американских Штатов, коммерсант.

– Очень приятно, – присел за стол Савелий. – Митрофан сказал мне, что вы хотели со мной встретиться. Чем могу служить?

– О да, – рассмеялся Гендлер. – Вы сразу, как это, быка за рога?

– Ну а что тянуть вола за хвост, – поговоркой на поговорку ответил Савелий.

– Верно, верно, – поспешил согласиться американец. – Вы, конечно, человек деловой, для вас время – деньги. Признаться, я много слышал о вас. В своем роде вы человек-легенда. Поэтому я и попросил господина Митрофана устроить мне встречу с вами. У меня к вам есть деловое предложение.

– Слушаю вас, – спокойно ответил Родионов.

Гендлер полез в узенький кейс и достал папку. Развязав тесемки, он поворошил пухлой ладонью газетные вырезки, потрогал книжицу в коричневом переплете, ненатурально вздохнул и глянул выпуклыми рыбьими глазами на Савелия.

– Господин Митрофан, очевидно, ввел вас в курс дела. Я хочу, чтобы вы достали мне корону вашей бывшей императрицы Екатерины Великой.

Савелий поднял бровь.

– То есть вы хотите, чтобы я выкрал ее из банка? Я вас правильно понимаю?

Толстяк слегка скривился, но быстро взял себя в руки.

– Ну, если вы желаете быть столь откровенным... Да, я хочу, чтобы вы выкрали нужную мне вещь из банка. Мне говорили, что вы есть самый знаменитый взломщик сейфов в вашей империи.

– Это правда, – подал голос Митрофан. – Савелий Николаевич – лучший медвежатник России.

– А вы знаете, что Государственный банк – это сигнализация, специальный штат караульных, неспящие сторожа и сейфы с секретными замками?

– Да, я знаю. Поэтому и плачу за работу полмиллиона рублей.

Митрофан шумно слотнул и уставился на американца. Савелий, надо признаться, тоже был крепко ошарашен таким солидным гонораром.

– А сколько будет стоить эта корона на ваших аукционах? Полтора миллиона, два? А может, пять? – придя в себя от названной суммы, спросил Савелий.

Берк мягко улыбнулся.

– Извините, господин Родионов, но это коммерческая тайна. Впрочем, точной цифры на данный момент вам не сможет назвать никто. К тому же корона имеет один изъян.

– Какой же? – осторожно спросил Савелий.

– Корону венчал золотой крест с брильянтовой осыпью. Ищейки, что искали сию реликвию, его так и не нашли. И теперь на короне его нет. А это значительно снижает ее цену. Человек же, похитивший корону, некий церковный вор Стоян, о кресте молчит. Очевидно, надеется воспользоваться им, когда выйдет или сбежит из тюрьмы.

– А где он сидит? – непринужденно поинтересовался Савелий.

– О, в вашем самом ужасном узилище, – закатил глаза Гендлер. – В Шлиссельбургской крепости.

Савелий кивнул и в упор посмотрел на американца:

– Мне нужен аванс.

– Нет проблем, господин Родионов. Сколько?

– Половину всего гонорара, – безапелляционно сказал Савелий.

– Согласен, – быстро ответил Гендлер и положил кейс на стол.

– Если предприятие сорвется, – скажем, вы проболтаетесь или короны вдруг не окажется в Казани, – аванс не возвращается. Ежели меня заметут – аванс не возвращается, – жестко продиктовал свои условия Савелий.

– Резонно, – после некоторого раздумья ответил Берк. – Я согласен.

– Ну вот и славненько, – потеплел взглядом Савелий. – Значит, договорились. Митрофан, прими деньги у господина Гендлера.

В кейсе американца – случайно? – оказалось ровно двести пятьдесят тысяч, состояние, на которое десяток рядовых обывателей могли бы прожить вполне сносно лет тридцать пять – сорок. Отдал Берк Гендлер и папку с тесемками, где были собраны материалы о краже летом 1904 года знаменитой чудотворной иконы, в которую была вделана интересующая американца корона.

– Думаю, вам полезно будет ознакомиться с этим делом, – заявил Гендлер, передавая папку в руки Савелия.

Выходили они из беседки не враз, а друг за другом по прошествии некоторого времени. Так предложил американец.

– Я остановился в отеле «Метрополь». Позвоните мне, когда все закончится. Мой номер сорок шестой, – заявил он вместо прощания и ушел, безмятежно насвистывая какой-то мотивчик. Минут через пять-семь оставили беседку и Савелий с Митрофаном.

– И не боязно тебе с такими деньжищами? – усмехаясь, спросил Митрофана Савелий, когда они поджидали извозчика.

– Не, – ответил бывший громила. – Ежели что, то у меня воляна имеется.

– Ну, тогда другое дело, – усмехнулся Родионов. Сам он предпочитал работать без оружия и только в самых редких случаях брал с собой небольшой «бульдог» самой новейшей марки, так, поугатать, ежели что. Потому как путать благородное ремесло вскрывателя нестерраемых шкафов и сейфов с мокрухой он считал самым наипоследнейшим делом. Он никогда еще не стрелял в людей и не намеревался делать это и впредь. В отличие от Митрофана, за душой коего числилось несколько успокоенных им навечно людей.

Подошла крытая двухместная пролетка.

– На Большую Дмитровку, дом Стрешнева, – сказал Савелий, усевшись рядом с Митрофаном.

Щеголеватый «ванька» кивнул и залихватски свистнул. Когда пролетка тронулась, к тому месту, где Савелий с Митрофаном дожидались извозчика, подошел неприметный человек с невыразительным лицом мелкого чиновника, такое можно встретить в любой из московских канцелярий, и долго смотрел вслед пролетке, покуда она не скрылась из виду.

Глава 3

ФИЛЕР

– ...а затем означенный Савелий Родионов, взяв извозчика, отправился к себе на квартиру на Большой Дмитровке.

Исправляющий обязанности полицмейстера пристав Тверской части Херувимов промокнул лысину платком и шмыгнул носом.

– Что с вами? – спросил обер-полицмейстер. – Вы больны?

– Инфлюэнца, ваше превосходительство, – ответил Херувимов, как учили, поедая глазами начальство.

– Хорошо, продолжайте, – сказал начальник полиции Первопрестольной.

– Это все, господин генерал. Услышав из их разговора с извозчиком, что фигурант направляется к себе на квартиру, наш агент прекратил наблюдение.

Херувимов снова промокнул лысину вышитым батистовым платочком и воззрился на генерала.

– А зачем Родионову понадобилось встречаться с этим американцем, как его?.. – пощелкал пальцами обер-полицмейстер.

– Берком Гендлером, – подсказал Херувимов.

– Да, Гендлером?

– Выясняем, господин генерал. За Гендлером тоже установлено наблюдение.

– Хорошо, свободны, – произнес обер-полицмейстер и обернулся к портрету государя. Император Николай смотрел строго, как бы говоря взглядом: «Выяснить немедленно!»

Оперативное совещание у обер-полицмейстера закончилось. Напольные часы показывали десять тридцать утра. С этого времени, собственно, и начиналась у полицмейстеров живая работа.

Вообще, каждое утро московских полицейских начиналось с обстоятельных докладов. В семь часов утра городские доклады о происшествиях за сутки околоточным. В восемь часов околоточные надзиратели спешили с докладами к приставам полицейских частей. В девять частные приставы отчитывались полицмейстерам, а те, в свою очередь, должны были не позднее десяти часов явиться с докладами к обер-полицмейстеру. Последний же, если была необходимость, по принятии докладов от полицмейстеров отправлялся в Департамент полиции. Такой порядок был введен почти три десятка лет назад покойным Вячеславом Константиновичем Плеве в бытность его директором Департамента полиции и с тех пор соблюдался неукоснительно.

Надворный советник Херувимов был доволен. «Исправляющий обязанности полицмейстера» – это ласкало слух и звучало неплохо. Нет, даже очень хорошо! Сегодня – исправляющий обязанности, завтра – полицмейстер со всеми вытекающими отсюда последствиями: казенная квартира, жалованье в году на целую треть от прежнего, чин коллежского советника, что соответствует чину армейского полковника. Полковник! Эдак и до генерала рукой подать! Надо только проявить себя. Показать, что обстоятельнее и деятельнее полицмейстера во всей Москве и не сыскать. Еще надобно, чтобы остальные приставы не смотрели на него волками, не считали выскочкой и лизоблюдом, но видели его трудолюбие и... Стоп! Родионов. Вот кто поможет ему заявить о себе.

Зачем вор встречался с американцем? Конечно, он затевает новое дело, не иначе. Затосковал, верно, по своей работе, ведь сколь времени ни за что не брался. Стало быть, следует не спускать с него глаз. И поймать его с поличным. Самолично!

«Кто поймал сего злостного преступника?» – спросит генерал-губернатор.

«Я», – скромно заявит он.

«А дать ему чин статского советника и пожаловать орден Святой Анны первой степени!»

И вот он уже обер-полицмейстер, потом директор Департамента полиции и – почему нет? – товарищ министра внутренних дел, то есть лицо, заменяющее министра во время его отсутствия!

В его приемной толпится народ, генералы ждут аудиенции, полковники жмутся по стенам, потому как он, Херувимов, – начальник грозный и безапелляционный. И уж ежели кто в чем провинен, то спуска у него не жди. Так-то вот!

– Вот так! – вырвалось у Херувимова так громко, что «ванька» обернулся:

– Чо сказали, вашескородие?

– Ничего, – буркнул Херувимов и посмотрел в сторону. – Погоняй давай.

В свою часть он приехал, когда на часах было без пяти минут одиннадцать. Прошел к себе в кабинет, достал пухлую папку, открыл. С фотографической карточки, приклеенной к заглавному листу дела, на него глянул безбородый и безусый Савелий Николаевич Родионов, вор, известный маз и непревзойденный медвежатник. Словом, фигура.

Херувимов еще раз взглянул на любительскую карточку, неведь каким способом добытую несколько лет назад. И ему показалось, что изображенный на ней приятный молодой человек фамильярно кивнул будущему товарищу министра.

* * *

Свой первый замочек Савушка вскрыл спицей, когда ему только-только стукнуло восемь годков. То была шкатулка Парамона Мироновича, хитрованского туза. Но вместо тычка или подзатыльника мальчишка получил от приемного отца горсть шоколадных конфет.

– Ишь ты, ловок, – похвалил Парамон Миронович. – Далеко пойдешь, малый.

Затем шустрый приемыш начал расправляться с замками входных дверей, и к двенадцати годам не было такого замка, который бы не смог открыть без ключа Савушка.

Первый свой сейф Савелий Родионов взял, будучи студентом Берлинского университета, – все же старый Парамон, послав его учиться, желал для Савелия иной доли, нежели воровской, выпавшей ему самому. Но в Берлине Родионов выпотрошил три банка, а вернувшись в Россию, первым делом взял сберегательный банк в Староконюшенном переулке. Затем были вскрыты сейфы Торгово-сырьевой и Московской бирж, несколько ломбардов, Русско-Английского и Российского Кредитного банков и даже Национального Российского банка. Ему уже дышал в затылок начальник розыскного отделения Департамента полиции генерал-майор Аристов, но Родионов с Лизаветой вовремя ретировались в Париж, городишко, прямо сказать, отменный. Недаром говорят: увидеть Париж и умереть. Это как раз и могло произойти с Савелием, ибо вляпался он в пренеприятнейшую историю с масонами, мистикой, заговорами, террористами и бравой российской контрразведкой. И случилось так, что он и Лизавета оказали последней большую услугу. Посему получили возможность вернуться в Россию беспрепятственно, что незамедлительно и сделали. И не то чтобы оказался Савелий Родионов прощенным. Нет, на него все равно не было у полицейских ничего, кроме косвенных улик, – заарестовать, конечно, можно, да что предъявишь суду? И все же в Департаменте полиции от него отцепились с формулировкой «Оставить означенного Савелия Николаева Родионова при подозрении». Это обязывало пристава той части города, в границах которой проживал Родионов, «присматривать» за ним, ведать о его передвижениях, а ежели Родионов покидал город – сообщать об этом полицмейстеру, дабы тот имел возможность телеграфировать своему коллеге в город, в кой держал путь Савелий, – встречайте, дескать. Поначалу Родионов «хвоста» за собой не замечал, покуда однажды верный Мамай не сказал ему, сузив и без того крохотные глаза в узкие щелочки:

– А вит нас пасут, хузяин.

Пристав Херувимов менял филеров ежедневно, все они были серы, незаметны и в глаза не броски, посему заметить слежку было довольно трудно. И каждый день такой вот неприметный человечек шел за Савелием, если тот куда-либо шел, катил за ним, если тот ехал, топтался возле дома, если Родионов не выходил из квартиры, докладывая обо всем своему приставу после окончания дежурства. Был такой человечек и в толпе провожающих, и ежели бы Савелий вышел на палубу отплывающей «Ниагары», ему все же было бы кому помахать шляпой.

Глава 4

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ

Книжица в коричневом переплете из кейса пухлого американца называлась «Судебный процесс по делу о похищении в Казани явленной чудотворной иконы Казанской Божией Матери» и содержала полный стенографический отчет этого процесса. Суть дела была в следующем.

В ночь на 29 июня 1904 года в городе Казани из запертого собора во имя явления Казанской Божией Матери Богородицкого девичьего монастыря было совершено похищение святых икон Казанской Божией Матери и Спасителя в драгоценных ризах. Особо чтимой из похищенных икон являлась первая, оправленная в очень ценную ризу со вделанной в нее короною императрицы Екатерины Великой, подаренной монастырю самой государыней во время ее визита в Казань в мае 1767 года.

В результате дознаний, проводимых полицмейстером Панфиловым, были выявлены преступники: крестьянин села Жеребец Жеребцовской волости Александровского уезда Екатеринославской губернии Варфоломей Андреев Стоян 28 лет, крестьянин села Долженкова Долженковской волости Обоянского уезда Курской губернии Ананий Тарасов 30 лет, мещанин города Казани Федор Захаров 69 лет, запасный младший унтер-офицер из казанских цеховых Николай Семенов Максимов 37 лет, мещанка города Мариуполя Екатеринославской губернии Прасковья Константинова Кучерова 25 лет, сожительница Стояна, и мещанка же города Ногай-ска Таврической губернии Елена Иванова Шиллинг 49 лет. Первой четверке инкриминировали преступный сговор с целью грабежа, причем предусмотренные в их отношении статьи «Уложения о наказаниях» отягощались святотатственностью содеянного преступления, а преступные дамы привлекались к уголовной ответственности за укрывательство и недоносительство.

Собственно, следствию повезло. На главного заводчика сей святотатственной кражи церковного вора Варфоломея Стояна оно вышло совершенно случайно. За несколько дней до кражи он послал в мастерскую своего человека, коего использовал втемную, заказать растяжные клещи с большим рычагом, дабы сломать церковные запоры. Человечка сего взяли, он и рассказал, кто научал его заказывать эти клещи. А взяли Варфоломея Стояна на том самом пароходе, на котором плыли теперь в губернскую Казань Савелий и Лизавета. Об этом Родионов прочитал в «Нижегородском Листке» из тех же бумаг в кейсе американского подданного Берка Гендлера.

«Листок» сообщал следующее:

5 июля в 3 часа утра, в момент прибытия в Н.-Новгород с нижнего плеса Волги пассажирского парохода Общества «Надежда» «Ниагара», задержаны в паровой каюте 1-го класса муж и жена, подозреваемые в причастности к делу о святотатственной краже из Казанского женского монастыря.

Вследствие полученной накануне от казанского полицмейстера срочной телеграммы об отъезде из Казани на пароходе «Ниагара» двух лиц, мужа и жены, заподозренных в числе прочих в похищении из монастыря икон, нижегородский полицмейстер А.А.Траубе вместе с приставом 2-й Кремлевской части С. Н. Балабановым, переодевшись в штатское платье, немедленно отправились на казенном пароходе в Работки, где и остались до прихода «Ниагары». Когда прибыл означенный пароход, они сели на него в качестве пассажиров 1-го класса. Им была указана каюта, в которой находились супруги. Неподалеку от нея они уселись за столиком и так дежурили до прихода «Ниагары» в Нижний. Ко времени прибытия парохода к городу на пристани его уже поджидал пристав Рождественской части В. А. Прозоров с нарядом полицейских чинов.

Дождавшись ухода пассажиров, г. полицмейстер распорядился поставить караул у окна каюты, а сам постучался в дверь, предлагая открыть ее именем закона. После некоторой паузы двери открыл высокий, интеллигентного вида господин.

– Вы арестованы, – проговорил барон Траубе.

В первый момент эти слова как будто поразили преступника, рука которого инстинктивно потянулась к револьверу, лежащему на диване. Но оружие вовремя было схвачено одним из полицейских чинов и передано г. полицмейстеру. Револьвер оказался новейшей системы на 8 зарядов.

– Не понимаю, за что вы меня арестовываете, – как-то нехотя заметил господин, после чего выразил полную готовность следовать за полицией вместе с женой.

С пристани супруги были отправлены под усиленным конвоем в арестное помещение. При них обнаружено около 200 рублей золотыми монетами.

Первый обыск в доме Стояна в Академической слободе ничего не дал. А вот второй, более тщательный, принес желаемые результаты: в кухне, на поду русской печи были обнаружены 205 зерен крупного жемчуга, нитками из коего была украшена риза чудотворной иконы, 26 обломков серебряных украшений с камнями, 72 золотых обрезка от ризы, в коих приглашенная на обыск монастырская настоятельница узнала ту ризу, что была на чудотворной, 63 серебряных обрезка ризы, венец и пластинка с надписью «Спас Нерукотворенный». Сего уже было достаточно, чтобы суд признал подозреваемых виновными. Однако случились и еще находки. В одной из ножек диванного столика было замечено отверстие, заделанное дощечкой. Когда дощечку убрали, там оказались распиленные части означенной короны императрицы Екатерины, по отдельности завернутые в тряпицы.

На суде сторож Богородицкого монастыря Федор Захаров был оправдан; признавший свою вину в соучастии в преступлении Николай Максимов, тот самый, что заказывал в мастерской растяжные клещи, был приговорен к лишению всех особых, личных и по состоянию приобретенных прав, преимуществ и воинского звания и отдавался в арестантские роты на срок 2 года 8 месяцев, остальные же четверо свою вину не признали.

Несмотря на это, улики у суда было предостаточно, и законопреступные дамы получили по 5 месяцев и 10 дней тюрьмы. Ананий Тарасов и заводчик всего этого дела Варфоломей Стоян были лишены всех прав состояния и приговорены к ссылке в каторжные работы – первый на 10, второй на 12 лет...

– Вот это сроки, – прошептал Савелий, и холодные мурашки побежали по его спине. – Чур меня, чур...

– Чего это ты там сам с собою? – вышла из ванной Лизавета. Большое махровое полотенце, охватившее ноги и ягодицы, делало ее похожей на русалку. – Ты не хочешь перед ужином принять душ?

– Нет, – ответил Савелий, с усилием оторвав взгляд от жены. – Мне тут дочитать кое-что надо. Немного осталось.

Елизавета прошла в спальню, вернее, в огороженный ширмой будуар, а Савелий стал читать газетные вырезки. Его интересовало, что было дальше с церковным вором Варфоломеем Стояном и где он мог схоронить крест короны с бриллиантовой осыпью, который так и не нашли легавые. Оказалось, что до нового, страшного смутами и бедствиями 1905 года Стоян просидел в одиночке Казанской городской тюрьмы, и словосочетание «тюремный замок», используемое в официальных бумагах, как нельзя больше подходило для сего заведения.

Расположенная на небольшом плато Кремлевского холма, вдали от всех городских строений, тюрьма имела несколько зданий, образующих собой закрытый периметр с небольшим двориком внутри. Дворик служил местом переключки осужденных и прогулок, длившихся всего четверть часа, ибо выводили на прогулки человек по двадцать, а число тюремных сидельцев

доходило до трехсот человек. Поэтому гуляли и дышали воздухом тюремные сидельцы по очереди. Имеющие двухсотлетнюю историю здания тюрьмы были огорожены высоким каменным забором, весьма похожим на крепостные стены, так что тюрьма действительно походила на средневековый замок.

После рождественских праздников Стояна отправили в Московскую центральную тюрьму, где он узнал, что ростовские легавые расследовали его похождения в Ростове-на-Дону в июле 1903 года и что ему опять грозит суд.

А в начале мая его привезли этапом в город Таганрог.

Савелий развернул новую газету...

«Казанские губернские ведомости»

11 мая 1905 года, среда

БЕГЛЫЯ ЗАМЕТКИ

Лицо, только что прибывшее из Таганрога, сообщило нам некоторыя, неизвестные для казанской публики подробности по делу Стояна, похитителя чудотворной иконы Казанской Божией Матери.

Варфоломей Стоян, кроме святотатственно-дерзкой кражи глубокочитимой всею православною Россиею святыни, совершил еще несколько уголовных преступлений.

Наиболее крупное из них – покушение на жизнь полицейскаго в июле месяце 1903 года в Ростове-на-Дону.

Обстоятельства этого дела несложны: Стояна выслеживала ростовская полиция; застигнутый ею в одном из притонов, Стоян бежал, отстреливаясь из револьвера, одна из пуль которого угодила полицейскому в руку.

На суде (дело разбиралось на днях в Таганроге выездною сессиею Новочеркасской судебной палаты) Стоян вел себя весьма непринужденно. Он все время покручивал выхоленные усы, защитника у него не было, он пожелал защищать себя сам.

По совокупности преступлений Новочеркасская судебная палата надбавила Стояну еще год каторжных работ – итого: тринадцать лет каторги.

После суда Стоян едва не ушел, и ежели б не один из конвоиров, ему бы удалось добежать до пролетки, ожидающей его неподалеку от здания суда. Когда Стояна заковывали в цепи, чтобы вести обратно в тюрьму, он заметил, что ковы на ногах хоть и щелкнули замками, но один, на левой ноге, закрылся не полностью.

Савелий ясно представил себе эту картину: вот вор осторожно смотрит на конвойных. Пожилой солдат, начавший службу, верно, еще при Александре Освободителе, обязанности свои знает назубок и делает все по уставу: стоит чуть поодаль, едкие реплики Стояна пропускает мимо ушей и имеет на затылке третий глаз.

А вот второй конвоир служит, скорее всего, недавно, молод и во все глаза смотрит на Стояна – фигура-то вора была известна по всей России, знаменитость, можно сказать, и конвоиру любопытно.

– Что, братец, тяжела служба-то? – спрашивает его Стоян дружелюбно. – Небось шпыняют все, кому не лень?

– Дык-ть, – начал было молодой, да осекся, встретившись с суровым взглядом пожилого.

– Вот-вот, – весело глядя на старого служаку, добавляет Стоян. – Цербер на цербере. Ничего. Скоро наша возьмет. Тогда вы все у нас попляшете.

– Твоя-то возьмет в конце семнадцатого, не раньше, – вдруг нарушает устав пожилой конвоир, – ежели, конечно, зараньше от чахотки не загнешься.

– Ба, папаша, да ты говорящий. Я вот раньше, когда в Казани проживал, попугаев держал говорящих, вроде тебя. Такие же безголовые...

У здания суда толпятся зеваки. Полицейские у входа едва сдерживают напирющую толпу.

Стоян мельком обводит охочую до зрелищ публику, встречается со знакомыми глазами, отводит взгляд, дабы ничего не заметил пожилой конвоир.

– Значит, папаша, служишь отечеству и царю-батюшке на совесть? – спрашивает вор. – Ну, и много ль ты наслужил, до какого чина дослужился, какой марки фортепьяны в твоей гостиной?

– Р-разговорчики! – раздраженно кричит на Варфоломея конвойный.

В это время в толпе происходит какое-то движение. Цепь полицейских, сдерживающая натиск толпы и образующая коридор от крыльца здания суда до коляски, в которую должны были посадить Стояна, порвалась.

– Караул! – визгливо, по-базарному кричат в толпе. – Батюшки, грабют!

Варфоломей ударяет скованными руками пожилого стражника в лицо, сбивает его с ног, резко приседает, освобождает от ков левую ногу и бросается в толпу. Все это происходит так быстро, что молодой конвойный так и застывает столбом, оторопело глядя на исчезающий в толпе бритый затылок Стояна.

Первым бросается за Стояном очухавшийся от удара пожилой стражник. За ним, опомнившись, рванули через мятущуюся толпу молодой и еще несколько полицейских.

Варфоломей продирается через людей, будто идет сквозь густой лес, не разбирая дороги. Гремят при каждом шаге цепи на ногах, люди мечутся в разные стороны, ловят карманника, который, возможно, вовсе и не существовал.

Время от времени он замечает знакомые глаза; они ведут его через толпу к углу Николаевской улицы, где стоит одинокая пролетка.

Невесть откуда появляется конный наряд полицейских и берет весь уличный квартал в кольцо.

Кольцо неуклонно сжимается. Сзади натужно почти в затылок дышит догоняющий его пожилой слуга.

Знакомые глаза исчезают. Варфоломей вытягивается, пытаясь найти их в толпе, и видит, что к одинокой пролетке подходят высокий мужчина и женщина под темной вуалью. Женщина остановилась, повернула голову в его сторону, и... Стоян валится на мостовую. Крепкие руки поворачивают его на живот, прижав лицом к грязному булыжнику.

– Ша, паря, побегал, и будет, – слышит он усталый, с придыхом, голос старого слуги. – Лежи таперича смирно, а не то я тебе все ребра поломаю.

– Понял, папаша, не дурак, – хрипит Варфоломей и прикрывает глаза...

* * *

Его закрыли в Таганрогской тюрьме, строго держа в ковах, дабы мысли о побеге не посещали его голову. Это было резонно, поскольку режим в этой крытке был мягким, если не сказать более: камеры до вечерней поверки были открыты настежь, сидельцы свободно ходили друг к другу «в гости», читали газеты, курили, выходили во внутренний дворик «подышать» и пили водку, что приносили им из ближайшей лавки стражники. От нечего делать Стоян выпросил из тюремной библиотеки букварь и еще какие-то учебники и довольно быстро выучился читать и писать.

Затем его этапом вновь перевели в Московский централ, а оттуда через две недели Тульский окружной суд испросил его в качестве обвиняемого по делу о краже драгоценной ризы в одной из местных церквей.

В крытке города самоварных умельцев и оружейников он, как известный маз – вор с авторитетом и опытом, был встречен с большим почетом и уважением. В «хате» он сошелся с двумя следственными арестантами, которым, как и ему, светил этап в Мариупольскую тюрьму. Было решено спровоцировать на этапе драку, отвлечь тем самым конвойных и дать деру.

Не вышло.

Скоро в Тульскую тюрьму был переведен этапом подельник Стояна – Ананька Тарасов, коего тоже дожидался Мариупольский суд. Тогда преступная четверка задумала побег из самой тюрьмы, благо режим в Мариупольской крытке был таким же, как в Таганрогской, правда, передачи для арестантов принимались только от близких родственников. Однако достаточно было лишь назваться братом, сестрой или женой, и корзинки и котомки со снедью, мельком досматриваемые, перекочевывали с воли в руки тюремных сидельцев почти непрерывным потоком. Свидания с «близкими родственниками» разрешались два раза в неделю. Желаете видеться чаще – сунь надзирателю стандартный набор из полштофа имбирной да папирос «Друг» – пятачок пачка – и получи «исключение», а стало быть, лишнюю свиданку.

Варфоломея здесь едва ли не через день навещала Прасковья Кучерова, называвшаяся надзирателям «Стояновой женой». Отсидев срок, она вернулась в Мариуполь и снимала домик на окраине города. Через нее он связался с друзьями на воле, и скоро в разделе «Хроника» газеты «Казанский телеграф» появилась следующая заметка.

ЕЩЕ О ПРИСНОПАМЯТНОМ СТОЯНЕ

Казанской городской полиции сообщено из Мариуполя, что Варфоломей Стоян в ночь на 22 октября, именно на день празднования чудотворной иконы Казанской Божией Матери, которую он украл в Казанском Богородицком девичьем монастыре, через подкоп, неизвестно кем совершенный, с пустаго амбара от соседнего с тюрьмой двора, бежал. Одновременно с ним бежали содержащиеся в одной камере арестанты каторжные: известный же Казани Ананий Тарасов, Яков Михаленко и Иван Слюсаренко.

Полицию г. Мариуполя ведется тщательнейший розыск беглых.

Сбежав из тюрьмы, Стоян умудрился подломить в Мариуполе одноглавый храм Успения Богородицы и взять особо почитаемую икону Успения Божией Матери, выдавив стекло в окне алтаря. Этой иконой он рассчитался с фатовыми, устроившими ему побег...

Савелий почувствовал, как прохладные нежные руки обвили его шею. Он отложил газетные вырезки, поднял глаза и встретился со взглядом Лизаветы, светящимся таинственным изумрудным светом.

– Савушка, может, закажем ужин в каюту? – вкрадчиво спросила она.

Рука ее сползла с его шеи, царапнула коготками спину, переместилась на грудь и медленно поползла к животу. Другая ее рука тем временем судорожно расстегивала пуговицы брюк. Когда ее прохладные пальчики коснулись его восставшей плоти и стали ласкать ее, Савелий прикрыл глаза, полностью отдавшись охватившей его волне наслаждения.

«Нет, я положительно не знаю этой женщины», – успел подумать он перед тем, как утонуть в море блаженства.

Глава 5

ФАКИР

Завтрак проходил в столовой, соседствующей с большой гостиной. Покуда ждали заказанных блюд, Савелий и Елизавета успели познакомиться с другими пассажирами первого класса. Родионов представился практикующим юристом по гражданскому праву, вспомнив, верно, что в Берлинском университете он окончил именно факультет правоведения. Верхово-дил всеми или, точнее, принял на себя роль заводилы-администратора бывший депутат Второй Государственной думы от партии октябристов приват-доцент Императорского Московского университета Афинодор Далматович Дорофеев, живой, круглый, как шар, человек, смахивающий на повзрослевшего колобка. Судя по имени, происходил колобок из духовного сословия, учился, как и подобает попovichам, в семинарии, по окончании которой, послушавшись отца-протоиерея, вместо Духовной академии поступил в университет, успешно его окончил и пошел по научной стезе. Вступив в 1906 году в «Союз 17 октября», быстро выдвинулся посредством пламенных либеральных речей в партийные лидеры средней руки и был кооптирован в депутаты Думы, ибо в октябристской среде помещиков, чиновников и гильдейного купечества разночинцев было раз, два и обчелся, а «Союз» претендовал на «партию всех сословий».

В Думе Афинодор Дорофеев выступил два раза и даже был членом какой-то комиссии, покуда всех их не разогнал ко всем чертям государь император. Колобок вернулся в родную alma mater, но с тех пор шлейф государственного деятеля за ним остался и нигде не давал ему покоя. Запас энергии у него был колоссален. Он организовывал в университете различного рода кружки «по интересам» и подбил нескольких профессоров читать в воскресные дни лекции в рабочих районах Москвы. Сам он читал в рабочих клубах лекции на международные темы, и его красноречию позавидовал бы сам господин Гучков. Вчера вечером, к примеру, он организовал для пассажиров первого класса выступление каскадных певичек со сценическими именами Китти, Душечка, Вишенка и Колибри, подвизавшихся в какой-то второсортной московской ресторации и получивших ангажемент в Нижегородский театр для выступлений. Нашел он их в третьем классе, когда какой-то то ли монгол, то ли татарин рассказывал им байки, смешно коверкая слова. Девочки оказались мастерицами на все руки и не только пели развеселые песенки и двусмысленные куплеты, но и показывали несложные акробатические этюды, сажались на шпагат, плясали искрометный канкан, после чего двух из них, Китти и Вишенку, тотчас увел в свой номер грузинский князь по фамилии Горидзе.

За завтраком Афинодор Далматович рассказывал смешные анекдоты, а в конце объявил вечернюю культурную программу:

– Дамы и господа! Как мне удалось выяснить, на нашем пароходе едут в Казань на гастроли известный во многих европейских городах, знаменитый иллюзионист Гарольдо Гарольдини со своей прекрасной ассистенткой мадемуазель Карменцитой. За триста рублей они согласились выступить перед нами после ужина со своими лучшими номерами. Кто желает присутствовать на представлении?

Кроме желчной дамы в старомодном турнюре и грузинского князя, не вышедшего на завтрак, присутствовать пожелали все. Таковых оказалось пятнадцать человек.

– Замечательно! Тогда прошу сдать по двадцать рубликов с каждой, так сказать, души. У кого денег при себе сейчас нет, прошу занести до обеда...

* * *

После мариупольского «дела» Стоян отправился в Москву. Первопрестольная встретила его крутыми ценами извозчиков, хмурыми вооруженными людьми с красными повязками на рукавах, напуганными обывателями и колючим морозцем. Никто не знал, как провел время в Москве церковный вор, но вскоре он вновь объявился в Казани. «Не за крестом ли от короны?» – пронеслось в голове у Родионова, продолжающего читать материалы американца.

В Казани церковный вор был арестован недалеко от городской скотобойни и временно помещен в арестный дом, который стоял рядом. Как оказалось впоследствии, было большой ошибкой, что его сразу не свезли в городской тюремный замок. Что случилось потом, с явным сарказмом смаковали почти все казанские газеты, и Савелию совсем не пришлось напрягать воображение, чтобы ясно представить себе очередной побег знаменитого маза...

Первым приехал судебный следователь. Ему было уже за шестьдесят лет, он собирался подавать прошение об отставке и напоследок жаждал отличиться, дабы получить хороший пенсион...

Следователь прошел в крохотный кабинетик, повесил шинель и фуражку на напольную вешалку и велел конвойному привести арестованного.

Тот вышел и вскоре вернулся со Стояном.

– Ну вот, господин Стоян, мы и встретились с вами снова. Что вас привело в Казань? – неторопливо принялся за разговор следователь.

– Прикажете снять ковы, – попросил вор. – Иначе ничего говорить не буду.

Следователь посмотрел на конвойного и кивнул.

– Ваше благородие, не положено, – робко произнес конвойный.

– Я приказываю, – сухо промолвил следователь, доверительно поглядывая на Стояна.

Конвойный отомкнул ручные цепи и отошел.

– Так почему вы вернулись в Казань? – принялся было за допрос судебный следователь.

– У меня отобрали папиросы, – опять не ответил на его вопрос Стоян.

Следователь уже с раздражением посмотрел на вора:

– Верните ему папиросы.

– Но ваше...

– Я сказал, верните! – выпрямился на стуле следователь.

– Папиросы его в дежурной комнате, – нерешительно сказал конвойный.

– Немедленно принесите.

– Слушаюсь, – плюнул на инструкции конвойный и вышел, оставив вора со следователем тет-а-тет.

Стоян незаметно осмотрелся: рамы окон двойные, между ними – решетка: нет, через окна не уйти.

– Так зачем вы вернулись? За иконой? За припрятанными драгоценностями? – обратился к вору судебный.

– Вам я, пожалуй, скажу, – подался к следователю Стоян.

– Слушаю, – в свою очередь, наклонился тот к вору.

– Дело тут вот в чем, – начал Стоян. – В Казань я вернулся потому, значит, чтобы, чтобы...

Он привстал и вдруг резко и неожиданно ударил следователя ребром ладони по кадыку. Старик закатил глаза, задохнулся и повалился грудью на стол.

Вошедшего в кабинет конвойного Стоян свалил таким ударом кулака, которым, верно, можно было бы убить и быка. Затем подошел к вешалке, надел на себя шинель и фуражку

следователя, прихватил его портфель и вышел из кабинета. Коридор был пуст. Стоян скорым шагом вышел из арестантского дома и, похрустывая молодым снежком, пошел к воротам.

– Что, ваше благородие, молчит ворюга-то? – отпирая калитку, спросил молодой стражник.

– Молчит, собака, – ответил Стоян и шагнул за ворота.

После казанского побега Варфоломей Стоян объявился в Харькове. Если он успел после побега вскрыть тайничок, то крест от короны мог прихватить с собой.

В губернский Харьков он прибыл в начале 1906 года. Обзавелся квартирой в мещанском квартале, выписал из Мариуполя Прасковью Кучерову и зажил прежней жизнью: ненадолго выезжал из города и возвращался с камушками и жемчугом.

В первых числах мая Стоян получил от одного старого друга письмо. Тот звал его в Ярославль на «верное дело». Стоян в Ярославль приехал и через час, избитый в кровь, лежал на каменном полу мрачной одиночки Ярославской тюрьмы, считавшейся в уголовном мире одной из самых жестких крыток во всей Российской империи...

* * *

– В гостиную пожалуйте, господа, все в гостиную, – суетился Афинодор Далматович, то и дело доставая из жилетного кармана часы-луковичку и поглядывая на время. – Сей час уже начинаем.

Пассажиры первого класса, одетые так, будто они собрались в настоящий театр – дамы в вечерних платьях и в шляпках со страусиными перьями, мужчины в смокингах и фраках с букетиками цветов в петличках, – рассаживались на стульях, принесенных из столовой. Импровизированная сцена, где вчера пели и отплясывали канкан Китти, Душечка, Вишенка и Колибри, сегодня обзавелась занавесом и подсвечивалась мощным речным фонарем, выпрошенным Дорофеевым у капитана парохода. Савелий и Елизавета пришли последними и потому заняли два крайних места во втором ряду. На место у прохода села Лизавета.

– Можно я сяду с краю? – попросила она Савелия. – Не хочу, чтоб со мной был кто-то рядом, кроме тебя.

Когда все расселись, свет в гостиной приглушили. Через мгновение занавес раскрылся, представив взору публики рыжую девицу с идеальной фигурой. Красное, почти под цвет волос трико плотно облегло стройные ноги, живот и грудь, а короткая юбочка-плиссе абсолютно не мешала обозревать главные прелести мадемуазель Карменциты. Наступила тишина, в которой абсолютно всем пассажирам, собравшимся в гостиной, было слышно, как судорожно сглотнул слюну грузинский князь.

– Добрый фечьер, дамы и гаспода! – произнесла Карменцита и улыбнулась, обнажив острые зубки. – Мы начинать наш претстафлений для фас и надеемся, оно фам понравится. Фпро-чем, иначе быть и не может, так как сейчас перед фами пояфица, – голос ее стал набирать мощь, – непрефзойденный магик и иллюзионист, – голос становился громче и громче, – феликий, – она сделала короткую паузу и уже выкрикнула в зал: – Гарольдо Гарольдини! Поразительный зрелищ! Фурор ф России и за рубежом! Масса лестных отзыф со стороны армии! Спешитье фидьеть, чтобы убьедица!

Карменцита вытянула руку в сторону – эдакий приглашающий жест, – и на сцене появился великий Гарольдини в черном цилиндре, черном фраке и черном же плаще с алой подкладкой. Он был представителен и высок, и ежели бы у кого возникло вдруг желание измерить его портняжным метром от пят до макушки цилиндра, то, верно, получилась бы целая сажень.

Гарольдо слегка поклонился, а когда выпрямился, у него изо рта вдруг выскочило яйцо. Он вынул его и хотел было что-то сказать, но только открыл рот, как из него опять выпало

яйцо. Он взял его, сделал шаг-другой по сцене, замер, и новое яйцо появилось у него изо рта. Так он изрыгнул из себя штук восемь яиц. Когда яйца кончились, он вытянул изо рта ленту саженой в десять и стал показывать карточные фокусы. Вот уж где действительно Гарольдини был непревзойден и велик. В его колоде, которую он распечатал на глазах зрителей и которая была вполне обычной: четыре двойки, четыре тройки... четыре дамы... четыре туза, оказывалось вдруг десять валетов, двадцать дам, а то и все шестьдесят два туза. Карты в его руках совершенно бесследно исчезали, потом появлялись в самых невероятных местах: изо рта, ушей и даже ноздрей. Несколько раз он запустил колодой в зрителей, и она, почти долетев до первого ряда, всякий раз возвращалась обратно к владельцу.

Все эти фокусы очень понравились публике, и все дружно похлопали маэстро. Потом непревзойденный и великий доставал из своего цилиндра самые разные вещи, а под конец вытащил из него хвостатую мышь и следом – огромного кота с круглой, как мячик, головой.

– А сейчас – смертельный номер, – окончив фокусы, громко произнес Гарольдо Гарольдини. Он был старше Карменциты и заметно лучше ее говорил по-русски. – Его делать только я, и больше никто в мире. Это есть эксперимент.

Щурясь, он посмотрел в зал, останавливая взгляд на девицах и женщинах.

– Дамы и господа! Для чистоты эксперимента мне нужен один человек из зал. Кто-нибудь из очаровательных мадемуазель.

– А что, мадам вас не устраивают? – с сарказмом спросила Елизавета.

– Устраивают, – ответил магик и внимательно посмотрел на нее. – Хорошо. Будьте так добры, поднимитесь ко мне на сцен.

Елизавета улыбнулась Савелию и подошла к магику. Тот хлопнул в ладоши, и появилась Карменцита со шпагой в руке. Она отдала ее маэстро и удалилась.

– Вы позволите узнать ваше имя? – спросил Гарольдини.

– Елизавета.

– Встаньте на середину, мадам Елизавета. Итак, – обратился уже к публике великий и неповторимый, – я начинать эксперимент. Прошу соблюдать полнейший тишину, чтобы я мог добиться нужной концентрации воли и быстроты движения. Ошибка непозволительна, она может привести к плачевному результату.

Зал притих.

– Над результатами мой эксперимент бились медицинские светила Лондона, Берлина и Парижа, но так ничего и не смогли объяснить. Это настоящий феномен. Феномен великого Гарольдо Гарольдини.

Он обернулся к Лизавете, проделал над ее головой несколько пассов и вдруг с такой силой воткнул шпагу прямо ей в сердце, что она вышла из-под левой лопатки вершков на пять. Лизавета стала валиться на бок, и тут на сцене внезапно погас свет.

Публика ахнула. Какая-то женщина издала истошный крик, а затем послышался глухой удар. Очевидно, она упала в обморок и бревном свалилась на пол. Зал разом загудел. Савелий, до того только ошарашенно моргающий глазами, выхватил свой неизменный «бульдог», который и на сей раз взял на всякий случай с собой, вскочил с места и бросился к сцене. И тут включился свет. На пятачке импровизированной сцены с растерянным видом стояла целехонькая Лизавета, а рядом с ней широко улыбался великий и непревзойденный Гарольдини. Савелий облегченно выдохнул и вернулся на свое место. Шум в гостинной прекратился, а затем публика взорвалась аплодисментами. Магик кланялся и указывал на Лизавету, как бы говоря, что свой успех, дескать, он делит с этой дамой поровну.

Представление закончилось, и пассажиры, благодаря Афинодора Далматовича за доставленное удовольствие и полученную встряску, стали расходиться по своим каютам. Недовольна была только пожилая дама, хлопнувшаяся в обморок, ибо больно ударилась об пол коленкой и теперь она у нее болела.

– А ты чего вскочил-то? – улыбаясь, спросила Елизавета, когда они вернулись к себе. – За меня беспокоился? Думал, он взаправду меня проткнул шпагой насквозь?

– Это было так неожиданно, – ответил Савелий, стараясь незаметно для Лизаветы убедиться, что в ее теле нет дырки. Дырки не было, и платье было совершенно цело. – Все произошло как-то само собой.

– А вот я поначалу совсем не была уверена, что этот Гарольдини действительно не проткнул меня шпагой, – сказала Лизавета. – Как раз наоборот. У меня было такое ощущение, словно что-то острое и холодное все же пронзило меня. Голова закружилась, и я бы упала, не поддержи он меня. Но это, верно, от порошка.

– Какого порошка? – насторожился Савелий.

– Когда Гарольдини делал надо мной свои магические пассы, он рассыпал прямо перед моим лицом щепоть белого порошка. И я сразу почувствовала слабость. А потом все прошло.

– Понятно, – усмехнулся Савелий, помогая Лизавете снять платье. – А этот магик, однако, большой шельмец.

Елизавета сняла лиф и нижнюю юбку, оставшись в шелковых кружевных штанишках с рюшами и оборочками.

– Ты раздевайся и ложись, я быстро, – сказала она и пошла в ванную. Там она скинула штанишки и придирчиво оглядела свою фигуру в зеркале. Не найдя изъянов – хороша, несомненно, хороша, – она отвернулась. Руки привычным жестом потянулись к небольшим, аккуратно вылепленным ушкам, чтобы снять серьги, но пальцы наткнулись лишь на холодноватые мочки. Елизавета снова повернулась к зеркалу и всмотрелась в свое лицо. Большие бриллиантовые серьги, купленные Савелием на ее двадцатипятилетие в ювелирной лавке на Кузнецком, исчезли.

Глава 6

ШЕЛЬМЕЦ С ХИТРОВКИ

- Их нет нигде, – подошла Елизавета к Савелию, шарившему рукой под ломберным столом. – Как корова языком слизала.
- На сцене смотрела? Под занавесями, оконными портьерами?
- Да смотрела, нет их там.
- Савелий выпрямился.
- Черт возьми, куда же они могли подеваться? Может, сперли?
- Кто? Когда? – бровки Лизаветы взлетели вверх, как маленькие полумесяцы.
- Ты не помнишь, кто за тобой сидел? Не мог он снять серьги, когда потушили свет в гостиной?
- Не мог, – отрезала Лизавета.
- Почему? – спросил Савелий, припоминая весь ход представления в гостиной.
- Потому что за мной никто не сидел, стул был пустой.
- Ты уверена?
- Уверена! – притопнула ножкой Елизавета.
- Ну, тогда это артисты, – резюмировал Савелий. – Скорее всего, сам Гарольдини. Сыпал перед тобой какого-то дурманящего порошку, ты поплыла, а когда на сцене, после того, как он тебя будто бы проткнул шпагой, погас свет, преспокойно снял с тебя сережки.... Идем.
- Куда?
- Во второй класс, к артистам.
- А какая у них каюта?
- Сейчас узнаем у приват-доцента.
- Напольные часы в гостиной пробили половину первого ночи.
- А не поздно ли? – усомнилась Лизавета.
- Поздно, – согласился Савелий. – Но будет совсем поздно, когда, проснувшись завтра утром, мы узнаем, что эта парочка сошла с парохода в Покрове или Собинке.
- Да, ты прав, – согласилась Лиза. – Идем.
- Приват-доцент еще не ложился и открыл им сразу. Он, очевидно, тяготился одиночеством и заметно обрадовался поздним визитерам.
- Проходите, проходите, – засуетился он. – У меня есть бутылочка «Шато».
- Нет, благодарствуйте, господин Дорофеев, – отказался от приглашения Савелий. – Мы просто хотели узнать номер каюты маэстро Гарольдини.
- Пожалуйста. Они едут вторым классом в номере восемнадцатом.
- Спасибо, – тепло глянула на приват-доцента Лизавета. – Вы нам очень помогли.

* * *

– Прелесть моя, сладкая моя, – прикрыв глаза, бормотал на чистом русском языке великий и неповторимый.

Он лежал на кровати совершенно голый, а по нему ерзала причинными местами, тихо постанывая, тоже совершенно нагая Карменцита.

– Давай, милая, давай, – жарко прошептал Гарольдини, и Карменцита, оседлав магику и заправив в себя его разбухшую и затверделую плоть, начала настоящую скачку. Человеку юному или неискушенному в любовных утехх могло показаться, ежели, конечно, смотреть не с близкого расстояния, что нагая женщина сидит на лошади, которая то ли танцует, то ли почему-

то скачет на месте. Но под рыжей ассистенткой была вовсе не лошадь, а прикрывший веки и запрокинувший в любовном экстазе голову мужчина лет сорока с хвостиком, годов пятнадцать уже как откликающийся на имя Гарольдо Гарольдини. Он придумал его сам после того, как решил завязать с картами. До этого его звали Яцеком, и был он картежным махинатором весьма высокого полета.

Родился Яцек Лабуньский в Замоскворечье, там, где Москва-река делает крутую излучину. Мать его умерла при очередных родах; отец, польский шляхтич, крепко запил и, проснувшись в один прекрасный день после очередного возлияния, обнаружил себя и пятилетнего сына на нарах румянцевской ночлежки в Хитровке. Поскольку отец и сын Лабуньские занимали одни нары, хозяин ночлежки брал с них пятачок, но и сию денежку надо было все же иметь, а денег у Лабуньского-старшего уже вовсе не имелось.

Поначалу отец Яцека зарабатывал тем, что писал за неграмотных хитрованцев разного рода прошения, письма и иные бумаги, хотя и спускал большую часть денег в кабаках, благо в самом доме Румянцева таковых имелось аж два: «Пересыльный» и «Сибирь». Через год такой жизни шляхтич совершенно опустился и работать больше не мог: руки ходили ходуном даже после крепкой опохмелки. Содержание семьи Лабуньских легло на плечи шестилетнего Яцека, прибившегося к артели хитрованцев-попрошаек. Был тогда Яцек тщедушен и мал и своим видом вызывал жалость у посетителей Хитрова рынка, так что подавали ему добрые люди охотнее, чем иным. Случалось, что после того, как он отстегивал установленную часть своих доходов в общий артельный котел, у Яцека оставалось немного денег, чтобы заплатить «ночлежные», купить еды себе и дешевой водки отцу.

Однажды, вернувшись в ночлежку раньше обычного времени, он нашел отца уже холодным. Смерть его была ужасна: Лабуньский-старший, как только ушел сын, раздобыл где-то ножницы, поставил их острием вверх, развел концы по ширине глаз и, крепко ухватившись руками за кольца, с силой уронил на ножницы свое лицо. Когда вернулись обитатели ночлежного номера, они увидели Яцека, забившегося в угол, и Лабуньского-старшего, из глазниц которого торчали кольца ножниц.

Христардничал Яцек еще три года. Он вытянулся, немного окреп, и подавать ему почти перестали. Нужно было срочно менять масть. Скоро Яцек стал поигрывать в картишки. Начал он с «дурачка в навалку». Потом стал играть в «горку», «кучку», «семь листов», «ерошку» и «крест». Затем подошла очередь «банка», «рокамболя» и «виста» с «пикетом». Карточная наука давалась ему легко, и через несколько лет Яцек уже играл на «мельницах» и ярмарках, все чаще и чаще не оставаясь внакладе. Долю от выигрыша, как потомственный хитрованец, он отстегивал Парамону Мироновичу и имел защиту в лице одного из его подручных по кличке Мамай. Когда Яцек стал вхож в игорные дома Москвы, Мамай уже находился при нем неотлучно. И когда какой-либо загулявший купчик, проигравшийся в прах, начинал бузить и требовать назад проигранные Лабуньскому деньги, за спиной Яцека вырастал Мамай и быстро урезонивал скандалиста доступными ему методами, самыми действенными из которых были кулак, кастет и финский нож. Несладко приходилось и тем, кто наотрез отказывался платить.

Курочка в лице Яцека стала нести золотые яички, весьма значительно пополняя кошелек Парамона Мироновича. Не забывал Яцек и себя: недалеко от Хитровки он снял дорогую квартиру, одевался щеголем, обедал и ужинал в «Эрмитаже» и водил к себе на Солянку только дорогих шлюх.

Шельмовал, конечно, Яцек знатно. Если он понтировал, то выиграть у него можно было, только ежели у банкомета выпадет плие, то есть совпадут лоб и соник. И не было ему равных, ежели он метал банк.

Ловкость его рук была необычайной. Совершенно новая карточная колода незаметно подменялась приготовленной заранее другой колодой, где карты были сложены в определен-

ном порядке, и сколь бы Яцек ни тасовал и ни давал ее подрезать понтерам, карты в ней оставались лежать так, как и были сложены загодя.

Однажды, понтируя против какого-то графа, Яцек шесть раз подряд загибал угол и выиграл более сорока тысяч. Таким кушем он делиться не пожелал и буквально исчез прямо на глазах Мама. В своей квартире на Солянке он больше не появлялся, и приказание Парамона Мироновича – разыскать Лабуньского и доставить его к нему живым или мертвым – исполнено Мамаем не было.

Легкие деньги – дело известное – легко и уходят. Непривычный ни в чем себе отказывать, Лабуньский прожил выигрыш в полтора года. Когда у него осталось не более трех тысяч, он решил вернуться к прежним занятиям и стал поигрывать на пароходах и в вагонах поездов. Доходы были стабильными, но через несколько лет он примелькался, и с ним стали отказываться садиться за игорный стол. Это был первый звоночек. Второй звоночек прозвучал, когда один конногвардеец, уличив его в подтасовке карт, до полусмерти избил его, сломав несколько ребер и нос. Вот почему, не дожидаясь третьего звонка, Яцек решил снова сменить масть. Он сошелся с цирковыми, какое-то время показывал в балаганах и шапито карточные фокусы, а потом, набравшись циркового опыта, организовал собственную антрепризу в лице себя и прибившейся к нему цирковой сироты, которую он оставил в качестве ассистентки. Некоторые фокусы и номера он позаимствовал из репертуаров балаганов и шапито, некоторые придумывал сам и стал гастролировать с ними по уездным, а потом и по губернским городам России. Так родился Гарольдо Гарольдини и Карменцита, именно под которой сейчас постановывал от наслаждения великий и непревзойденный. Наконец судорога пронзила тело Гарольдини, и тотчас вслед за этим издала протяжный стон и Карменцита. Излились они почти одновременно. А ровно через минуту в дверь их комнаты постучали.

– Кто бы это мог быть в такой час? – удивленно посмотрел на Карменциту Гарольдини, переводя дыхание после любовной скачки.

Женщина в ответ неопределенно пожала плечами. Стук повторился, и в этот раз он был более настойчивым.

– Давай не будем открывать, – предложила Карменцита. – Мы спим. И нечего нас беспокоить.

– Может, что-то случилось? – предположил Яцек-Гарольдо.

– Конечно, случилось, – ухмыльнулась Карменцита. – У мадам Елизаветы пропали очень дорогие серьги.

– Ох уж эти твои шуточки, – ворчливо промолвил Лабуньский.

Стук вновь повторился, и кто-то за дверью громко произнес:

– Господин Гарольдини, откройте. Надо поговорить.

– Мы уже спим, приходите завтра, – сонным голосом отозвался Яцек.

– Этот разговор в ваших интересах, откройте, – настаивал некто за дверьми каюты.

– Открой, – нехотя велел магик.

Карменцита дернула плечиком, накинула на себя пеньюар, мало чего скрывающий, и пошла к дверям. Плечико у нее дернулось еще раз, когда вслед за худощавым мужчиной в их номер вошла та самая женщина, которая принимала участие в «смертельном» номере.

– Что фам угодно? – спросила Карменцита.

– Простите за столь поздний визит, – глядя на нее в упор, сказал Савелий, – но нам необходимо получить назад серьги вот этой, – он указал на Лизавету, – дамы.

– Я фас не понимаю, – процедила Карменцита, медленно пятясь, так как Савелий продолжал наступать на нее. Так – Карменцита спиной, а следом за ней Савелий и Лизавета – вошли в комнату. Иллюзионист сидел на канapé в халате и курил папиросу. Он уже приготовился дать этим ночным визитерам должный отпор.

– В чем дело? – сухо спросил он и сердито уставился на Савелия. – Почему вы не давать нам отдыхать?

– Потому что мы хотим получить назад украденные вами серьги, господин иллюзионист.

– Ха-ха-ха, – деревянно рассмеялся Гарольдини, не меняя выражения лица. – Вы с ума сошли. Какие серьги?

– Те самые, с бриллиантовой осыпью, что вы так ловко сняли с моей жены во время вашего эксперимента, – жестко ответил Савелий.

– Простите, но вы только что сказать, что пришли поговорить, и разговор этот в наших интерес, – напомнил Савелию Гарольдини.

– Именно, – согласился Савелий. – В ваших.

– Вот вы пришли и требовать какие-то серьги. Ну и где тут наш интерес, позвольте узнать?

– Ваш интерес в том, чтобы отдать серьги нам. Иначе за ними придет другой человек и будет с вами разговаривать уже не так вежливо и цивилизованно, как мы.

– Вы что, нас пугать? – сдвинул брови к переносице Гарольдини. – Нет у нас никаких серьги. Так что прошу покинуть наш кают.

– Хорошо, – просто согласился Савелий и лучисто посмотрел на великого и непревзойденного. – Покойной ночи.

* * *

Мамай дрых на лавке, подложив под голову котомку. Напротив него спали валетом каскадные певички Китти и Вишенка – на эту ночь грузинский князь ангажировал в свой номер Душечку и Колибри.

Неслышно ступая, Савелий с Лизаветой подошли к Мамаю. Савелий протянул было руку, чтобы потормозить его за плечо, как вдруг Мамай вскочил и принял оборонительную стойку: ноги чуть согнуты, голова втянута в плечи, руки вытянуты вперед. Сверкнул финский нож.

– Мамай, Мамай, это мы, – сказал Родионов тоном, каким успокаивают испугавшегося спросонья ребенка.

– А-а, хузяин, – протянул старый слуга и спрятал финку в голенище сапога. Его ширококулое лицо с жесткими морщинами приобрело вид, который хорошо знающие его люди называли бы крайне приветливым. Рот расплылся в улыбке, обнажив крупные желтые зубы с частыми щербинами.

– Ты когда соберешься к зубному лекарю? – улыбнулся в ответ Савелий.

– Никогда, – сошла улыбка с лица Мамая. – Я их очень баюс.

Савелий коротко хохотнул.

– Тише ты, – дернула его за рукав Лизавета. – Люди же спят.

Савелий кивнул и невольно посмотрел на спящих певичек. Их невинные, во сне почти детские мордашки абсолютно контрастировали и с их округлившимися женскими фигурами, и с их дневными, а главное, ночными занятиями.

– Ты чего уставился на этих девиц? – снова дернула Савелия за рукав Лизавета. – Смотри у меня, – добавила она, и в ее голосе послышались смешливые нотки.

– Ничего я не уставился, – в тон ей ответил Савелий и, обернувшись к Мамаю, уже серьезно сказал: – Дело у меня к тебе, Мамай.

– Слушаю, хузяин.

– Мамай, сколько раз я тебя просил не называть меня хозяином?

– Мыного, хузяин, – осклабился слуга.

– Но ты продолжаешь свое. Пойми, мне неловко.

– Понимаю, хузяин.

– Тыфу ты, – сплюнул в сердцах Савелий. – Ладно, поговорим об этом позже. А теперь слушай. Сегодня после ужина двое иностранных артистов давали в гостиной первого класса представление. Мы тоже на нем были. В одном из их номеров участвовала Елизавета. После чего у нее пропали бриллиантовые сережки.

– Ай-яй-яй, – покачал головой Мамай. – Вас обидели, хузяйка?

– Конечно, ее обидели, – не дал раскрыть Лизе рта Савелий. – Мы поначалу думали, что она их потеряла. Обыскали все – нету. Да и как потерять обе сережки враз? Рядом с ней, кроме меня, когда мы смотрели представление, никого не было, так что, кроме артистов, умыкнуть сережки больше не мог никто.

– Ты ходил кы ним, хузяин? – спросил Мамай.

– Ходил, но они не захотели отдать серьги. Теперь я хочу, чтобы к ним сходил ты. Они едут вторым классом, каюта номер восемнадцать.

– Латны, хузяин, понял. Вы, – он деловито глянул на них обоих, – ступайте кы себе. И жыдите меня. Я сыкоро.

* * *

Яцек с Карменцитой, настоящее имя которой было Кира, что значит «госпожа», действительно уже легли спать, когда в дверь их каюты снова постучали.

– Открывать не будем, – безапелляционно заявила Кира и повернулась на бок.

Стук повторился. Потом на время стало тихо, а затем после непонятного скрежета дверь отворилась: Мамай, просунув финку в щель меж косяком и дверным полотном, отжал язычок замка и надавил крутым плечом на дверь.

Когда он вошел в спальню, на него уставились две пары испуганных глаз. Затем одни глаза зажглись злостью, а другие – животным страхом. Эти другие принадлежали великому и непревзойденному.

– Ты?! – сделались круглыми глаза у Мамае. – Какая встреча!

Мамай ухмыльнулся так, что у Гарольдины ослабло в животе и он еле сдержался, чтобы не обмочиться. Все же, кажется, он немного подмочил свои шелковые исподники.

– Ты, Яцек, послетний мудака. Кырыса. Ты – тухлый. Ты обул Парамона. Теперь ты обул его сына, моего хузяина. Бакланить я сы тобой не буду и скажу лишь один раз: верни серьги его женщины, иначе тебе – вилы.

Мамай демонстративно стал перебрасывать финку из одной руки в другую.

– Мамай, послушай, – присел на постели Яцек. – Я ведь...

– Отыдавай серьги, – недобро сощурил глаза до узких щелочек Мамай. – А то шибко худо будет. Я вит сы тобой не шучу.

Яцек кивнул. Он знал, что Мамай не шутит. И не шутил никогда, потому что не умел этого делать. Зато Мамай мог не моргнув глазом всадить финский нож аккуратно в сердце, шарахнув обухом топора по голове и ударом кулака свалить наземь любого, на кого бы указал его хозяин. Собственно, он этим и занимался, когда состоял в подручных у старика Парамона. На счету Мамае – про это ведали многие хитрованцы – было четырнадцать загубленных душ, и лишь одна из них была случайной.

Было это лет сорок назад, когда, будучи еще мальчишкой пятнадцати годов, Мамай, сирота Бадретдин Шакиров, прибил к фартовым, промышляющим кражами и разбоем. Обычно он стоял на шухере, а после удачного дела его нагружали ворованным рухлом, и он относил его на Хитровку барыге. Фартовые научили его драться, уходить от слежки и подарили первый в его жизни финский нож, с которым он никогда не расставался.

Через год фартовые пожелали проверить его в деле и поручили Шакирову первую самостоятельную работу: подломить галантерейную лавку на Солянке, купеческой улице с двух-

этажными домами, первые этажи которых были почти сплошь заняты под лавки и магазины. Лавку эту давно пасли и знали, где ее хозяин держит хорошую кассу.

На дело пошли ночью. От кулаковского дома на Хитровке, где проживал теперь Бадретдин, до Солянки было всего ничего. Банда тихо и быстро дошла до нужного дома и встала, слившись с каменной оградой напротив.

– Ну, давай, паря, фарту тебе, – произнес напутствие главарь и легонько хлопнул Шакирова по плечу.

Бадретдин неслышно подошел к дому, выдал, как учили, стекло и влез в лавку. Чиркнув спичкой, зажег огарок свечи и принялся осматриваться. Наконец взгляд его уперся в несгораемый шкаф с небольшим висячим замком. Касса! Бадретдин достал из-за пояса фомку и одним рывком оторвал от дужки корпус замка. Затем вынул дужку из петель и раскрыл дверцу.

Денежки лежали в специальном ящике с отделениями: одно для крупных купюр, другое для мелких, третье для серебра, четвертое отделение – для меди. Бадретдин выгреб все до единой полушки и уже рассовал деньги по карманам, как вдруг услышал:

– А теперь положи все на место.

Бадретдин вздрогнул и обернулся на голос, но со света в темноту не было ничего видно.

– Положи деньги на место, я сказал, у меня в руках ружье, – снова послышался голос.

Бадретдин быстро задул свечу и наугад бросился к окну. Прозвучал выстрел, от которого заложило уши; это хозяин лавки шарахнул сразу из двух стволов.

Бадретдин резко отпрыгнул в сторону, больно ударившись о полки, с которых посыпались портмоне, зонты, трости и прочая галантерейная дребедень, и пополз вдоль прилавка. А потом сильные руки схватили его за шиворот и поставили на пол:

– Попался, ворюга!

– Пусти, – прохрипел Бадретдин, пытаясь вырваться. – Пусти, гад.

– Я тебе покажу, гад, – услышал он возле самого уха, и тяжелый удар в челюсть опять опрокинул его на пол. Потом он получил удар ногой в живот, еще один, еще. Купчина, верно, вошел в раж, и удары сыпались один за другим.

«А ведь он забьет меня насмерть», – с ужасом подумалось Бадретдину.

После очередного удара хозяина лавки, изловчившись, он схватил его ногу и резко дернул на себя. Через мгновение послышался глухой звук, будто городошной битой ударили по железу, и долгий, невероятно долгий выдох. А затем наступила тишина.

Бадретдин приподнялся, нащупал в кармане огарок свечи, зажег. Огромный хозяин лавки лежал на полу возле несгораемого шкафа, и в его застывших глазах плясали крохотные огоньки от свечи в руках Шакирова. Из правого виска лавочника сочилась кровь, образуя ручейки, растекавшиеся по полу.

– Эко ты его приложил, – услышал Бадретдин знакомый голос. – Ладно, ступай отседова, дальше мы сами как-нибудь управимся.

Бадретдин оторвал взор от мертвяка и посмотрел на двух фартовых, неслышно вошедших в лавку.

– Итэ он сам башкой об жилесный ящик упал, – непослушными губами промолвил Бадретдин.

– Оправдываться перед легавыми будешь, – хмыкнул на это фартовый. – Ступай отседова, говорю.

Бадретдин послушно вышел из лавки. До рассвета оставалось совсем немного, и на небе уже виднелись свинцовые облака, предвещавшие неласковое хмурое утро. Неладно было и где-то внутри Бадретдина, и ему вдруг показалось, что мир стал каким-то другим, а может, другим стал он сам.

Шакиров прошел мимо худого мальчишки, стоящего на шухере, и сел прямо на землю, опершись спиной о каменную ограду. А в лавке фартовые собирали в две большие котомки галантерейный товар.

– Глянь, Гвоздь, какой здесь бардак, – сказал один другому, указывая на разбитую витрину и сломанные полки. – Будто Мамай прошел.

– Точно, Мамай, – ответил Гвоздь и хмыкнул, мысленно представив себе широкоскулое лицо Бадретдина с узкими щелочками глаз.

Когда они вышли из лавки, Гвоздь отдал свою котомку Бадретдину.

– Снесешь это нашему барыге. Лавы у него требуй сразу. Да смотри не продешеви, Мамай.

Так Бадретдин Шакиров стал Мамаем.

Весть о том, что молодой пацанчик с кликухой Мамай справился со здоровенным купчиной, спровадив его на тот свет, дошла до Парамона Мироновича уже утром. И туз Хитровки пожелал лично посмотреть на того пацанчика. Он завтракал, когда его подручные втолкнули к нему шестнадцатилетнего парня явно инородческой внешности.

– А ты, значит, елдаш? – спросил Парамон, пытаясь разглядеть, что там спрятано в узких глазах парня.

– Неты, хузяин, я татарин.

– Все равно азиат, – констатировал Парамон, не углядевший в глазах Мамаея никакой опасности для себя даже в будущем, но увидевший только силу и собачью преданность. – Будешь служить лично мне. Ты есть хочешь?

Так Мамай стал подручным Парамона, особым подручным, коему хитровский туз время от времени поручал, как он сам выражался, «щекотливое дельце». Это значило, что Мамай должен был убрать неугодного Парамону Мироновичу человека, что и исполнялось им с точностью швейцарского хронометра. Кому было положено, знали об этой специализации Мамаея. Узнал об этом и Яцек, когда Парамон приставил к нему Мамаея «для сбережения». Посему после фразы Мамаея, что он не шутит, Яцек согласно кивнул головой и отрывисто сказал:

– Кира, принеси серьги.

– Щас, разбежалась, – зло буркнула женщина и с ненавистью посмотрела на Мамаея.

– Кира, принеси серьги, я сказал, – с истерическими нотами в голосе повторил Яцек. – Ну, ты что, хочешь, чтобы меня порезали?

– Сам неси, – выплюнула ему в лицо женщина и повернулась на бок.

Яцек нервно сбросил одеяло, поднялся с постели и подошел к шкапу. Покопавшись в своих вещах, он взял серьги и подошел к Мамаю.

– Вот, возьми, – сказал Лабуньский и протянул ночному гостю ладонь, на которой поблескивала на серьгах бриллиантовая осыпь. – Я же не знал, что эта женщина – жена твоего хозяина.

Мамай двумя пальцами взял сережки, положил их в карман и посмотрел в глаза Яцека.

– Сыкажи спасибо, што Парамон Мироновиц мертв. А то я тебя бэ пришил. И пришью, – добавил он, – исли ты еще раз попадешсэ мне на гылаза.

Он окинул взором фигуру Яцека, враз ставшую бесформенной, и, повернувшись к двери, сказал через плечо:

– Падштанник сымени.

Затем открыл дверь и вышел в коридор.

Глава 7

ЦЕРКОВНЫЙ ВОР

– Ты спишь, Лизанька? – тихо спросил Савелий и, не получив ответа, снова открыл папку с тесемками. Газетных вырезок, сообщающих о судьбе церковного вора Стояна, оставалось совсем немного.

...В такой крытке, как Ярославская, Стояну бывать еще не приходилось. Чистенькая снаружи, она была хуже не придумаешь внутри.

Арестантские камеры никогда не убирались, и тела тюремных сидельцев до того кишели вшами, что сама собой шевелилась их одежда. Даже в банный день их не удавалось смыть, ибо на помывку в бане насельникам общих камер в тридцать человек отводилось всего четверть часа.

Кормили скверно, а точнее, не кормили вовсе: арестанты сами готовили себе обед из картофеля, уже гнилым привозимого в тюрьму и сваливаемого прямо в коридор рядом с общими камерами. Естественно, в коридоре и «хатах» сидельцев стояло невыносимое зловоние.

Здесь царствовали кулак и дубинка, ибо надзиратели были свирепее цепных псов и относились к заключенным как к бессловесному скоту. Словом, Ярославская крытка вполне оправдывала свое второе, бытующее у эков, неофициальное название – «Коровники».

На второй или третий день по прибытии в «Коровники» Стояна, как арестанта, склонного к побегу, заковали в цепи и бросили в крохотную одиночку с оконцем, едва не упирающимся в закопченную стену другого тюремного корпуса. Железный стол, железный стул на шарнирах поднимались и опускались, как боковые места третьего класса в поездах, а вместо иконы стояла и отчаянно воняла в «красном» углу параша.

– Сидеть днем не положено, – слышал всякий раз Стоян при попытке присесть на стул.

– От окна отойди! – раздавался стук в дверь камеры и грубый окрик, когда он подходил к окну. А когда он начинал ходить по камере, надзиратель орал за дверью:

– Немедля прекратить греметь кандалами!

Оставалось одно – стоять, да так, чтобы не загораживать собой волчок: круглое оконце в двери камеры, в которое почти неотрывно пялился надзиратель.

Осенью состоялся суд. Стояну припомнили его ярославский должок, сделанный им в апреле 1904 года: кражу нескольких драгоценных риз из городского Спасо-Преображенского монастыря и ограбление бакалейной лавки с двумя убийствами – хозяина лавки и его сына. И хотя защитник Стояна камня на камне не оставил от второго обвинения, суд признал Стояна виновным в обоих деяниях, и к тринадцати годам каторги накинули еще двенадцать. Ушлые ребята – господа газетные репортеры – провели собственное расследование и выяснили, что Стоян к ограблению лавки и двойному убийству не причастен, однако Варфоломею все же светил уже официально четвертак.

Что делать с таким сроком? Конечно, бежать. И Стоян стал готовить побег. Целый год он налаживал связи с волей, обрабатывал надзирателей, составил детальную схему Ярославской тюрьмы и выучил ее наизусть так, что мог с закрытыми глазами пройти подвалами, коллекторами и прочими коммуникационными тропами от самого дальнего корпуса крытки до ее центральных ворот. Он добыл фонарь, веревки, спички, крюки, нож и даже допотопный шестизарядный «лефоше» и уже наметил день побега, но тут один ссучившийся вор донес на него начальнику тюрьмы. Вора этого вскорости удавили полотенцем, но столь тщательно готовившийся побег, обещавший быть удачным, был сорван...

* * *

Чтение прервал негромкий стук в дверь. Савелий отложил вырезки и прошел к двери:

– Кто?

– Я, – ответил Мамай.

Родионов открыл дверь:

– Проходи.

– Не, – ответил старый слуга. – Шибка поздыно уже. Тебе надэ сыпать, жене тывоей надэ сыпать, мне надэ сыпать. На вот, вазмы.

И он протянул Савелию серьги.

– Значит, все-таки отдал?

– Попыробовал бы он нэ отыдать, – серьезно сказал Мамай.

– Да, я понимаю, – глянув с улыбкой на Мамая, кивнул Савелий. – Спасибо тебе.

– Не благодари, хузяин, я кы тибе Парамоном Мироныщем пыриставлен, сарство ему небесное, а его слово дыля миня – закун. Иво не сытало, теперь тывое слово дыля миня закун. Не за што благодарить.

– Все равно спасибо, – повторил Савелий. – Ладно, иди спать.

Когда Мамай ушел, Родионов присел на кровать. Рядом мерно дышала Лиза, и ее порозевшие во сне щеки просто напрашивались на поцелуй. Не удержавшись, Савелий нагнулся и нежно коснулся губами ее щеки. Потом другой. Лизавета приоткрыла глаза и улыбнулась.

– Что, уже утро? – сонно спросила она.

– Нет, – ответил Савелий. – Спи.

– А ты? – протянула она к нему руки.

– Я тоже буду спать, – улыбнулся Савелий.

Ее руки обвили его шею, и она прошептала:

– Иди ко мне.

Савелий разделся и юркнул под одеяло. Лизавета, повернувшись к нему, прижалась всем телом и стала покрывать его лицо поцелуями. Ее рука скользнула по его плечам и принялась нежно поглаживать спину. Потом ласковые пальчики, миновав бедро, перебрались к животу и коснулись его восставшей плоти. Стало жарко. Савелий сбросил одеяло на пол, чуть спустился и стал целовать грудь Лизаветы, слегка покусывая вишенки ее сосков. Его ладонь, проделав путь от ее коленки до сводящей с ума складочки меж ног и животом, коснулась шелковых завитушек волос и последовала дальше. Пропуская ее, Лизавета согнула ногу в колене, и Савелия бросило в жар. Он рывком повернул женщину на спину и вошел в нее. Лизавета застонала и прикрыла глаза...

* * *

Завтрак они проспали. А когда проснулись, «Ниагара» уже успела высадить часть пассажиров и принять новых.

Выпив в буфетной кофе, они вышли на палубу. Солнце восходило к полудню, палуба в его лучах просто блестела чистотой, вода за бортом притягивала взгляд. Словом, уходить не хотелось.

– Погуляем? – спросила Лизавета и взяла Савелия под руку. – Смотри, как красиво, – указала она на крутой берег, поросший вековыми соснами. Казалось, это пароход стоит, а сосны на берегу, да и сам берег медленно проплывают мимо них. И так будет из века в век, всегда, во все времена. Не будет ни ее, ни Савелия, а эти сосны на берегу так и будут смотреть на

проплывающие мимо них пароходы, и людям на них тоже будет казаться, что это они стоят, а сосны на берегу плывут, совершая свое извечное движение. – А дышится-то как!

Лизавета несколько раз глубоко вздохнула и потянула Савелия за собой. Они медленно продефилировали мимо столиков под навесами, раскланиваясь с сидящими за ними пассажирами, тоже не желавшими покидать палубу, и поравнялись с двумя мужчинами, шедшими им навстречу.

– Совершаете утренний променад? – поздоровавшись, спросил один из них. Это был не кто иной, как вездесущий Дорофеев. – Поздненько, – добавил он, хитро прищурившись.

– Мы поздно встали, – сказала Елизавета. – Здесь, на реке, так крепко спится.

– Верно, верно, – быстро согласился Афинодор Далматович и перевел взгляд на своего спутника. – Знакомьтесь, подполковник Прогнаевский, наш новый попутчик.

– Михаил Васильевич, – отвесив легкий поклон, представился приятным голосом подполковник.

– Родионов... Савелий Николаевич. А это моя супруга, Елизавета Петровна.

– Выходит, вы полная тезка покойной императрицы Елизаветы, дочери Петра Великого, – с улыбкой заметил Прогнаевский. – Скажите, вашего отца зовут не Петр Алексеевич?

– Нет, – улыбнулась Лизавета, – Петр Иванович.

Новый знакомый был высок, интересен и загадочен. Казалось, он весь подчинен какой-то цели, сложной задаче, решить которую и есть его предназначение в этой жизни. Он был весьма прост в обращении, естествен, и его большие серые глаза смотрели на собеседника ясно и спокойно.

– А вы подполковник каких войск? – спросила Лизавета кокетливо.

– То есть? – не понял Михаил Васильевич.

– Ну, армейский, гарнизонный, жандармский?

– А это имеет для вас значение?

– В общем, нет, – слегка надула губки Лизавета.

– Простите, я, кажется, был бестактным, – извиняющимся тоном произнес Прогнаевский. – Я жандармский подполковник.

– Ну, Михаил Васильевич, – вклинился в разговор Дорофеев, – это же не совсем так. Господин Прогнаевский, – повернулся колобок к Лизавете, – просто офицер, временно прикомандированный к жандармскому управлению в Казани. А так он служащий Министерства внутренних дел с весьма широкими полномочиями, полученными от самого Петра Аркадьевича.

– Столыпина? – спросил Савелий.

– Именно, – подтвердил Дорофеев. – От самого Председателя Совета Министров империи и министра внутренних дел их высокопревосходительства Петра Аркадьевича Столыпина.

– Господин Дорофеев, – недовольно поморщился Прогнаевский, – вы ставите меня в крайне неловкое положение.

– Ах, Михаил Васильевич, – покачал головой Афинодор Далматович, – в таких делах, как ваши, скромность совершенно и абсолютно неуместна.

– А что у вас за дела? – поинтересовалась Елизавета, поймав взгляд подполковника. – Или это секрет?

– Ну, не секрет, – не сразу ответил Прогнаевский. – Я разыскиваю одну вещь, раритет, представляющий весьма большую ценность для России.

– Михаил Васильевич ищет икону, – опять встрял неугомонный Дорофеев. – Ту самую, что украли в девятьсот четвертом из Казанского девичьего монастыря. И попутно – бриллиантовый крест с короны великой Екатерины, что была на ризе иконы.

– Как интересно! – воскликнула Лиза, метнув быстрый взгляд на Савелия. – И что, есть какие-нибудь успехи?

– Есть множество версий, которые мне надлежит проверить, – задержал на Лизавете взгляд подполковник.

Ему вдруг показалось, что супруга молчаливого господина, назвавшегося Савелием Николаевичем, вовсе не так проста, как хочет казаться, и ее вопросы преследуют какую-то цель, не ясную ему. Внутренне собравшись, он продолжил:

– Не далее как вчера я закончил проверку одной из этих версий. Она оказалась ложной. Теперь следую в Казань. Есть сведения, что похищенная икона якобы находится в тайной молельне старообрядцев-беспоповцев в доме одной дамы, вдовы купца-миллионщика. Впрочем, точный ответ, где теперь находится чудотворная икона, цела ли она и где запрятан крест короны Екатерины Великой, может дать только один человек.

– Кто? – заинтересованно спросил Дорофеев.

– Похититель, – ответил Михаил Васильевич. – Церковный вор Варфоломей Андреевич Стоян. И я намерен спросить его об этом.

– Он жив? – с любопытством спросила Лизавета.

– Жив, – ответил подполковник Прогнаевский. – Хотя и не совсем здоров.

– А где он теперь? – спросил Савелий, стараясь не выказать своего интереса.

– В Шлиссельбургской крепости, – просто ответил жандармский подполковник.

Глава 8

ПОИСКИ РЕЛИКВИИ

Михаил Васильевич Прогнаевский человеком был хорошим, правда, на плохой работе. Поисками похищенной иконы Казанской Божией Матери и отломанного от вделанной в икону короны императрицы Екатерины Алексеевны брильянтового креста, ценности крайне дорогой и раритетной, он был вынужден заняться по приказанию начальника губернского жандармского управления.

Началось все, конечно, с увольнений. Полковника Николая Ильича Мочалова сняли с должности начальника Казанского губернского жандармского управления тихо, без объяснения причин и публикаций в газетах. Так, появилась строчка-другая в «Правительственном вестнике», что-де причисляется полковник Н. И. Мочалов к Министерству внутренних дел. Ну, не справился старик с обстоятельствами, допустил похищение общенациональной святыни, за коим через год последовали мятежи и забастовки, ибо порушились святость и благочиние в русском человеке.

Вместе с Мочаловым слетел с губернаторского кресла и действительный статский советник Павел Федорович Хомутов, всего-то с год и успевший поначальствовать обширной Казанской губернией. Вместо него в ноябре 1905 года прибыл наводить порядок полковник Генштаба Анатолий Анатольевич Рейнбот, а кабинет начальника жандармского управления на Большой Красной занял его помощник, подполковник Константин Иванович Калинин, человек еще молодой, весьма деятельный и величайший умница. Ему-то и было поручено руководить розысками похищенной иконы Казанской Божией Матери и брильянтового креста с короны императрицы, ибо новый полицмейстер Васильев от сей обузы отказался наотрез.

– У меня своей работы по самую маковку, – твердо заявил он, нимало не тушуясь начальства. – Некогда мне за вашими призраками гоняться.

Это было чистой правдой, и хотя у подполковника Калинина работы было не менее, нежели у казанского полицмейстера, поиск святыни и брильянтового креста был вменен в обязанность именно ему. А он, потянув эту лямку месяц-другой и убедившись, что десятки писем и заявлений насчет мест нахождения иконы, приходивших на адрес жандармского управления, суть простые предположения или даже измышления лиц, коим не давала покоя объявленная за нахождение святыни награда, ответственность за розыски святого образа возложил на своего младшего помощника Прогнаевского, совсем недавно получившего чин ротмистра.

– Лично я мало верю всем этим сведениям, – заявил Константин Иванович, указав на две пухлые папки на своем столе. – Но мы обязаны проверять все и любые предположения граждан, пусть даже и самые нелепые. Этим займетесь вы, ротмистр.

– Но у меня целая куча незаконченных дел, – попытался было отбиться от навязываемого нелегкого поручения Прогнаевский.

– Все свои дела передайте ротмистру Трескину, он уже поставлен мной в известность, – подвинув обе папки к краю стола, безапелляционно сказал подполковник Калинин. – За вами остается одно архиважнейшее дело. Поиск иконы и брильянтового креста. Поверьте, Михаил Васильевич, поручение это очень важное... Хорошая же работа: будете много ездить, новые люди, новые впечатления, – уже несколько мягче добавил Калинин.

– Это плохая работа, – посмурнел Прогнаевский.

– Это... очень нужная работа, – в тон ему ответил Калинин. – Берите эти папки и приступайте к работе немедленно. Обо всех результатах розысков докладывать мне незамедлительно. Все, не смею вас больше задерживать.

Михаил Васильевич начал с того, что прочитал все шесть томов следственных материалов. Картина преступления сложилась у него довольно ясная: подкупив или запугав монастыр-

ского сторожа, двое воров совершили святотатственное похищение двух чудотворных икон, одна из которых, а именно образ Казанской Божией Матери, была известной общероссийской святыней. И хотя от святотатственных законопреступников следствию так и не удалось добиться признательных показаний, все материалы дознания по этому делу ясно указывали на их вину.

Сложнее было с самой иконой.

Вроде бы все сходилось на том, что, сняв с иконы драгоценную ризу, преступники изрубили ее в куски и сожгли. На это указывали найденные в железной печке на квартире главного преступника Стояна пепел, обгорелые жемчужины, гвозди, а главное – заgroundовка с позолотой и обгорелый бархат с самой доски. Кроме того, факт невозможной утраты чудотворной иконы подтверждался показаниями ювелира Максимова и приемной дочери Стояна – девочки Жени. Однако Максимов сам был замешан в этом деле по уши, а потому его показания юридической силы не имели, да к тому же ювелир сам сожжения иконы не видел, а говорил о том, ссылаясь на слова, сказанные ему Стояном. Варфоломей Стоян же пытался представить именно Максимова заводчиком всего дела, посему вполне можно было предположить, что и Максимов, оправдываясь, мог, в свою очередь, оговаривать Стояна. Показания же падчерицы Стояна были до того лживы и разноречивы, так часто менялись и выглядели временами столь фантастично, что мало чего стоили.

Вообще, в этом деле было много неясностей.

Варфоломей Стоян, исходя из материалов следствия и медицинского обследования, был человеком психически уравновешенным и физически очень здоровым и крепким. Не фанатик и не богоборец. Зачем же он тогда сжег икону? Почему с его стороны не было никаких попыток продать святыню заинтересованным в ней людям – а таковые, несомненно, были, – получив за нее такие деньги, которых бы хватило на безбедную жизнь ему самому, его семье, его детям и даже внукам?

Были вопросы и более тонкого характера, также оставлявшие надежду, что икона цела, и порождавшие невероятное количество домыслов и версий, где все же следует искать святыню.

Как Богородица допустила, чтобы ее явленный образ был сожжен? Почему чудотворная не явила очередного чуда, перечень коих начинался со дня ее обретения в 1579 году, был задокументирован и занимал несколько десятков страниц?

А может, чудо все же свершилось, ибо должно было свершиться? Может, действительно икона цела и где-то припрятана, как припрятано и главное украшение святыни – бриллиантовая корона императрицы? Однако где искать бриллиантовый крест с короны? Ведь в тайнике, что был устроен в ножке стола на квартире Стояна, где была обнаружена распиленная на части корона, креста не оказалось. По словам Стояна, крест тоже был в тайнике. Его что, украли полицейские при обыске, как о том говорит Стоян? Вряд ли. Такую вещь продать совсем просто, а разломать, вынуть камешки и сбывать все частями значило сильно потерять в деньгах, а кроме того, подвергнуться огромному риску. Тогда где же сей крест? И главное – где искать икону?

«Вот бы допросить самого Стояна», – подумал тогда впервые Прогнаевский.

Ротмистр развязал было одну из папок со стола Калинина, затем вернулся к следственным материалам и открыл том, где были фотографические карточки осужденных по данному делу. Мельком просмотрел фотографии старухи Шиллинг, Анания Комова в арестантской робе, ювелира Максимова, в глазах которого застыл испуг, симпатичной и пухленькой Прасковьи Кучеровой.

Долго смотрел на карточки с изображениями Стояна: вот он в кандалах сидит на стуле, вот он вместе с Кучеровой в фотографическом павильоне. На нем – бобровый пирожок, добротное касторовое пальто с бобровым же воротником. И что совсем уже неожиданно для церковного вора – интеллигентное лицо с ухоженной профессорской бородкой и умные глаза.

* * *

На излете черной смуты, или, как ее еще стали называть кое-кто из верхушки социал-демократии, Первой русской революции, интерес к розыскам «чудом спасшейся» иконы Казанской Божией Матери, а вместе с ней и креста с императорской короны возрос. Многие из умных голов понимали, что все произошедшие революционные ужасы есть только начало чего-то еще более страшного. Газеты и журналы публиковали пространные высказывания весьма серьезных людей, что похищение святыни явилось для империи знамением роковых последствий и невиданных доселе бед, что полностью подтвердилось начальными результатами Русско-японской войны и небывалой общероссийской бузой, которая, как считали многие, не прекратится до тех пор, пока похищенная икона не будет обретаема вновь.

Показательным было и то, что инициатива по усилению розысков иконы исходила уже от Министерства внутренних дел, и инициативу эту, конечно, сразу подхватили духовные ведомства.

Возросший интерес к розыскам иконы в верхах мгновенно нашел отклик снизу. Письма и заявления о местопребывании святыни там-то и там-то шли в Казань непрерывным потоком. В июне 1906 года Ананий Комов заявил московскому прокурору, что чудотворная икона из Казанского монастыря цела и он согласен указать за свое освобождение и двадцать тысяч рублей ее точное местонахождение.

«Когда мы с Варфоломеем ограбили монастырь, – показывал прокурору Комов, – он взял себе ризу, а мне отдал икону. Я ее спрятал и договорился с кулурами продать им ее за сто двадцать тысяч. Но сделать этого не успел, так как был арестован. А икона так и осталась лежать в известном мне месте, которое знаю только я один».

Ананька долго темнил, торгуясь и выговаривая себе условия, и наконец согласился показать тайник с иконой. Его везли к месту по «железке» в отдельном купе, из которого он умудрился сбежать через окно на полном ходу поезда...

* * *

В конце 1907 года на стол ротмистра Прогнаевского легло в числе многих заявление монахини Богородицкого монастыря Варвары. К нему была приложена копия письма без обратного адреса. Некто, пожелавший остаться неизвестным, скорее всего женщина, писал:

«Христосе Воскресе!»

Достопочтенная матушка! Извините, что я не ведаю Вашего имени. Спешу уведомить Вас и всех сестер во Христе: в Петербурге на Петербургской стороне по Зеленой улице в доме № 9, квартире 97 у полковника Михаила Кирилловича Прудкина находится икона Казанской Божией Матери, перед которой часто собираются верующие для поклонения и молитвенного прошения. Некоторые сказывают, что это и есть та самая икона, что похитили от Вас, то есть те лица не раз были в Казани у Вас и видели ее. На вид икона древняя, более трехсот лет, лик темноватый. Доска немного покорежена, поля и фон подобраны. В настоящее время украшена золотой ризой от неизвестного пожертвователя. Следует объяснить, что владелицей иконы называет себя некто Варвара Викторовна Ломен. Частично проживая в Петербурге, она собирает подати на строительство храма в том месте, где чудотворная икона якобы была обретаема. Рассказывает, что, когда подъезжала к своему имению Мариновка недалеко от Петербурга, лошадь вдруг провалилась передними ногами в яму. Начали копать, чтобы высвободить животное, заметили в яме пень суховатый, из-под которого и вынули св. икону. Затем был приглашен досточтимый батюшка Иоанн Кронштадтский для совершения молебна. Многие предполагают, что все это есть ловкая выдумка. Покорнейше прошу от Вас

человека, который мог бы признать собственно чудотворную икону. Изображенного на ней лика нельзя забыть».

Это письмо весьма заинтересовало Михаила Васильевича. В том числе и потому, что, как он выяснил некоторое время спустя, никакого человека игуменьи Маргарита в Питер не посылала, а письмо, выходит, скрыла и не дала ему дальнейшего хода. Он знал, что настоятельница не верила в успех розысков иконы и считала ее навсегда утраченной, а возможно, и не желала возвращения святыни в монастырь, боясь, очевидно, усиления влияния Варвары, с которой Маргарита была в непримиримых контрах.

Тот же секретарь, доложивший о бездейственности Маргариты в отношении письма, принес напечатанную на плохонькой газетной бумаге брошюру под названием «Явленная икона Казанской Божией Матери в Мариновке, Царскосельского уезда Сосницкой волости», содержание которой почти полностью совпадало с данными письма без обратного адреса.

Все это было не похоже на письма, с которыми до того имел дело ротмистр: *«...на погосте в Архангельской слободе возле свежей могилы надворной советницы Елизаветы Ферапонтовой тайник под чугунным крестом, а в нем – чудотворная », «...довожу до Вашего сведения, что сия явленная чудотворная икона упрятана известным городским громилой и бандитом Семкой Огольцом на Арском кладбище аккуратно под огромной розой черного мрамора, что стоит на могиле княгини Анастасии Мустафиной, так что найти святой образ будет очень просто...», «...и та Сосипатра Бычкова говорила Ваньке Губошлепу, что, дескать, сказывала ей ее двоюродная сестра, будто слышала она на коровьем базаре, что на Суконке, как тетка Хавронии Прощелыгиной Епихария, прости Господи, говорила Мошонковой Тамаре, что знает она, куда Петька Шнырь икону тую запрятал, и если заарестовать Шныря, то он, верно, запираяться не станет и покажет, где икона эта схоронена...»*

И Михаил Васильевич решил навеститься в монастырь.

Старая Христова невеста, проведенная в обители более тридцати пяти лет и обойденная вниманием духовных властей в своем стремлении стать настоятельницей монастыря, как и предполагал Прогнаевский, была желчна и ядовита ко всему, что так или иначе касалось игуменьи Маргариты. И это, мол, она делала не так, как должно, и то не эдак. Варвару буквально трясло, когда она говорила про свою начальницу, и ее костлявые пальцы, обтянутые желтой старческой кожей в крапинку, сжимались в маленькие злые кулачки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.